

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

З а м е т к и п о м а р ш р у т у
Г о б и й с к о й э к с п е д и ц и и 1931
г о д а (О б р а б о т а н ы в д е к а б р е
1935 г о д а)

メタデータ	言語: ru 出版者: 公開日: 2010-03-23 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: A. D. , シムコフ メールアドレス: 所属:
URL	http://hdl.handle.net/10502/3825

А.Симуков

Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1931 года (Обработаны в декабре 1935 года)

Экспедиция выехала из Уланбатора 13 июня 1931 года на грузовом автомобиле “Шевроле” в направлении на юго-запад (Сангин далай – Хушу хид – Гурбан Сайхан), имея целью географические исследования на территории Южно-Гобийского и Алтайского аймаков.

{¹⁾ Выпишу для памяти программу экспедиции “Гобийская Экспедиция НИК и ЭКОСО 1931 года”.

Маршрут: Уланбатор – Дэлгэр Хангай – Бацзар Хуйтэн – Байшинту – Юм Бэйсэ – Хан Тайшири – Улан-Батор с возможным разездом в Цаган Богдо (на верблюдах).

Состав: Симуков А. - географ
Якимов В. - экономист
Симукова М. - коллектор
Ураков С. - топограф
Климов С. - рабочий и переводчик
Вагапов А. - шофер

Задания:

Специальное задание ЭКОСО	1. Собираение материалов по определению аймачных центров в Южно-Гобийском и Алтайском аймаках (Якимов и Симуков).
Вопросы экономики	2. Вопросы товароснабжения в Гоби (Якимов).
3. Изучение бюджета семьи, доходности, потребления, оседания сырья и т.д. (Якимов).
4. Взвешивание удоев (Якимов).
5. Положение различных слоев гобийских аратов зимой и весной в связи с плохими кормами (Якимов).

1) { }здесь и далее в фигурных скобках дается текст, взятый из фрагментов дневника Гобийской экспедиции НИК-а и ЭКОСО 1931 года (*прим. сост.*).

	6. Современное положение местных колхозов (Якимов).
	7. Юго-западные пути сообщения (Симуков, Якимов).
	8. Изучение кочевков и местного скотоводства (Симуков, Якимов).
Специальные	9. Вопросы переписи (Якимов).
вопросы	10. Юго-западная граница (Симуков, Якимов).
География и	11. Топографическая съемка (Ураков, Симуков).
хозяйственные	12. Общее географическое описание (Симуков).
возможности	13. Гипсометрические определения (Симуков).
	14. Гобийские корма (Симуков, Симукова).
	15. Гербарий (Симукова).
	16. Засухи (Симуков, Якимов).
	17. Золото в Цзолэне (Симуков).
	18. Уголь в Цзурумтае (Симуков).
	19. Медь и уголь в Юм бэйсэ (Симуков).
	20. Нефть в Цаган Богдо (Якимов, Симуков).
	21. Почвенные образцы (Симуков).
	22. Гобийское земледелие (Симуков).
	23. Фауна. Наблюдения и коллектирование (Симуков).
	24. Термины (Симуков).
	25. Фотоматериал (Симукова, Симуков, Якимов).
	26. Мелкие вопросы.

Срок 40-45 дней

Смета в [тугриках]

Бензин и масло	800
Суточные Симукову А.	200 (40 дней)
Суточные Якимову	200
Суточные Уракову	140
Суточные Вагапову	145
Зарплата Симуковой	200
Зарплата Климову	175
Разъезды и проводники	200
Дополнительное снаряжение	440
Итого:	2.500 туг.
Из них 1000 туг. ассигнована ЭКОСО и 1500 НИК-ом.}	

Первый участок пути был хорошо известен по прежним поездкам (см. материалы экспедиций 1929 и 1930 гг.). Из отдельных фактов следует отметить, что долина Шарахай хундэй отходит в сторону Улхуин булуна

в изгибе Толы и должна соединиться с долиной Мухур, выходящей к этому южному изгибу Толы с востока. Скалистая группа Цзоргол хайрхан соединяется с Бичигту Улан хада, а Адацагская степь уходит в сторону Ихэ Тухумской впадины. К характеристике Среднехалхасской возвышенности, данной в 1929 и 1930 г.г., добавлять почти нечего. От Дэлгэр Хангая она отделена хоолаем и очень заметна с юга. Далее на запад эта возвышенность, видимо, спускается южнее и, вероятно, переходит на правый берег Онгиин гола, к востоку же отходит на север. По меридианальному маршруту С.А.Глаголева южной границей этой области служит, по-видимому, Тугуригский хоолай, к югу от которого начинается уже Шанхайское нагорье. Необходимо впрочем, оговориться, что местность к северу от Тугурига несколько разнится по характеру от волнистого ландшафта западного пересечения Среднехалхасской возвышенности (например через мон. Сангин Далай), будучи разнообразнее. Чаще попадаются как скалистые хребтики (Могойту-ула), так и более или менее обширные понижения (Мандалин гоби и др.). Но тем не менее, сравнивая все три меридианальные пересечения (Сангин-Далайское, Дэлгэр-Цогтуское и Соланхэрское), можно прийти к заключению, что выделение всего этого района в особую ландшафтную область (Среднехалхасская возвышенность) сделано мною правильно.

Тугуригский хоолай сам по себе очень интересен. Рассматривая карту и ряд меридианальных маршрутов (Сайханская дорога севернее Баян Цзага, мои наблюдения по дороге в Шарангад относительно наличия к югу большой депрессии, глаголевский маршрут, Соланхэрская дорога в районе Сайр усу, Калганский тракт у Сайн усу) можно выдвинуть гипотезу о существовании большой, не очень широкой, но весьма длинной депрессии, слабо изогнутой (выпуклостью к югу) примерно параллельно общему изгибу гряд к югу от нее и Хэнтэйско-Хангайской дуге. Гипотетически она определяется следующими пунктами и местностями: Южная озерная котловина (Орог-нур приблизительно 1200 м) с Онгиин-улан-нуром (около 1000 м), хоолай к югу от Шарангада, Тугуригский хоолай (высота по Пржевальскому - <...> м, самое глубокое место на маршруте Урга - г. Хурхэ), район кол. Хутул-усу на Соланхэрском тракте и Сайн-усинская впадина (750 м). Возможно, что описываемая депрессия уходит и дальше на северо-восток, в сторону Дариганги, Матад хана и Халха гола к Буир-нуру. К северу от этой депрессии идут: Хангай, Среднехалхасская возвышенность и Восточные степи (Восточно-Монгольская равнина). К югу – Гобийский Алтай, Шанхайское нагорье, Юго-восточная холмисто-равнинная гоби и Эрдэни-Цаганская возвышенность (район мон. Йэгуцзэри).

Из мелочей отмечу маленький монастырек к северо-востоку от Сангин-Далая, на 240-м (примерно) километре от Уланбатора. Расположен он к востоку от дороги, в полукилометре от нее и отмечен стоящим на соседнем увале субурганом. Состоит всего из двух-трех зданий. Название этого монастырька – Хадан усу.

Километра в 60 севернее г. Дэлгэр Хангай с автомобилем экспедиции произошла серьезная авария. Для связи с Уланбатором и продолжения работ я выехал верхом через пос. Дэлгэр Хангай в отделение МНЦК в Шарангаде.

Типичная для района мон. Сангин далай, пологая гряда, на северном склоне которой произошла поломка, называется Шабагин цзан. Последняя по дороге перед спуском к западному концу Дэлгэр Хангай гряда называется Дэлгэрэху. В промежутке между ними, восточнее дороги, примерно в 330 км от Уланбатора выдается сложенный вероятно гранитами скалистый хребтик Цапчир, на южном склоне которого расположен небольшой мон. Цапчирин дугун, около которого проходит старая почтовая дорога Пекин – Улясутай. К востоку от Шабагин цзана находится глубокая степная долина, имеющая, как будто, меридианальное направление и заканчивающаяся на широте гряды Дэлгэрэху (примерно) порядочным тойримом. Тойрим этот отделен довольно высоким барьером от Дэлгэр-Хангайского ара хоолая.

Самые горы Дэлгэр Хангай имеют, при взгляде издали, совершенно гобийский характер. Узкий, четко выраженный хребет крутой стеной, без предгорий, встает над бэлем. Гребень зубчат. Склоны круты. Северный круче южного.

Поселок Дэлгэр Хангай расположен верстах в двух к северу от восточной части хребта на совершенно плоской степной равнине и защищен с севера небольшим холмом, а с востока гранитным мелкосопочником. Колодец (Ара Хашиату) находится в сайре к востоку от холма.

Старый тракт Улясутай – Калган проходит здесь, по-видимому, двумя вариантами. Северный идет южнее гряды Цапчир, а южный по южному склону Дэлгэрэху, по мысам северной окраины ара хоолая Дэлгэр-Хангай и далее на юго-восток.

Дорога на Шарангад уходит от поселка Дэлгэр Хангай на Ю.-В., к подножью г. Дэлгэр Хангай, в промежуток между последними и гранитным мелкосопочником Баян, и идет этим промежуток на восток. У южного подножья Баяна в этом месте 1-2 колодца. Затем дорога сворачивает немного к северу, срезает по ущелью Ю.-В. угол Баяна и выходит к его восточному краю. Примерно на этом же меридиане заканчивается

восточный хребтик Дэлгэр-Хангая. Далее к востоку открывается обширное понижение с тойримом в северной части, огороженное с запада Дэлгэр-Хангаем и Баяном, с востока грядкой Тэг, с севера мелкими холмами и группой Хурэн-Ошихи. С юга понижение это также огорожено мелкими грядами. На Ю.-З. имеется, по-видимому, выход без значительных возвышенностей к южному склону Дэлгэр-Хангая. Дорога постепенно спускаясь, идет северной окраиной впадины, имея к северу холмистое повышение. На самом низком месте, около небольшой горки – колодец Хохо-тологой. Далее дорога пересекает рукав понижения, уходящий к северо-востоку, к группе Хурэн-Ошихи и горам Холод, и поднимается на пологий северный мыс грядки Тэг. Спустившись с него, дорога снова пересекает понижение, огибающее этот мыс и уходящее к юго-востоку, и поднимается к южному подножью гор Холод, вдоль которых и идет в дальнейшем, придерживаясь восточного направления. Здесь она соединяется со старым уртонским трактом Калган – Улясутай (южный его вариант?). Признаком тракта служат большие обо, насыпанные кое-где на дороге. Здесь, на южном склоне г. Холод с одного из довольно высоких мысов открывается широкий вид на юг. Упомянутый выше рукав понижения, ограничивающий г. Холод с юга, замыкается холмами, тянущимися от южного края г. Тэг к Ю.-В. краю г. Холод. Дорога пересекает в дальнейшем эту гряду, проходя у северного подножья остроконечной горки с обо на вершине. Далее за упомянутыми холмами виднеется большая широтная депрессия-хоолай, по всей вероятности та же самая, что и у кол. Тугуриг (см. выше). Конца этой депрессии не видно. За ней темнеют северные грядки Шанхайского нагорья. Далее по дороге, сейчас же за остроконечной горкой начинается спуск. Левее (к северу) дороги под холмами два колодца. С холмика по пути – широкий вид на восток. Понижение с разбросанными в беспорядке группами небольших гор, холмов и отдельными горками, разделенными долинами и равнинами разных размеров. Далеко видны горки около Шарангада. Более значительным возвышением кажется гряда Хэцу - Тэг, расположенная к северо-западу от Шарангада.

Дорога на этом участке извивается между холмами, взбирается на мысы и в общем делает небольшую дугу к югу. Воды на этом перегоне непосредственно на дороге не встречается. Качество дороги можно считать хорошим. Крутых и больших подъемов нигде нет, песку, кроме нескольких узких сайров, - тоже. Отсутствуют места, сомнительные в смысле грязи после дождя. Каменистые участки крайне невелики.

Передний путь из Дэлгэр Хангая в Шарангад я сделал по уртонам, не совпадающим с автодорогой. Первый уртон находился на западном бэле

грядки Тэг. По дороге к нему мы пересекли у подножья этого бэля один-два песчаных оврага и небольшой хоолай. Второй уртон (мы долго искали его ночью), оказался намного севернее автомобильной дороги и нам пришлось пересечь горную группу Холод, на Ю.-В. окраине которой мною отмечены конгломераты. Со второго уртон (Чжирим) большой переход прямо к Шарангаду. К северу от дороги осталась группа Лоса, с небольшим дугуном Лосаин сумэ у южного подножья. Маршрут С. А. Глаголева (1925 г.) проходит в нескольких км западнее Шарангада, через грядку Могойту.

Растительность на участке Уланбатор – Сангин далай охарактеризована в материалах моей экспедиции 1930 года. Осадки 1931 года распределялись следующим образом: до Ганга-даба - исключительно хорошо. Дальше хорошо вплоть до южной окраины Адацагской равнины. Затем идет резкое ухудшение и к северу от Сангин далай настоящая засуха. Далее к югу отмечен недавний дождик и в общем участок Сангин далай – Дэлгэр Хангай ниже среднего с отдельными средними участками. Дэлгэр Хангай и Тэг – плохо, почти ничего нет, г. Холод – средне, а на всем остальном пространстве до Шарангада совсем плохо.

Весь район от места аварии автомобиля до Дэлгэр-Хангая – караганная степь с песчаным грунтом. Низина с тойримом к востоку от Дэлгэр Хангая – боро бударгана (*Salsola gemmascens*), редкий багалур (*Anabasis brevifolia*) и тэск (*Eurotia ceratoides*). У тойрима шара бударгана (*Kalidium gracile*). В Баяне шара шабаг (*Artemisia arenaria*), у Тэга – *Amygdalus pedunculata* (буйлэсу). Далее в районе г. Холод – переходная полоса (хумуль, злаки и т.д.). Последний участок – типично гобийский: *Salsola gemmascens*, *Reamuria soongorica*, *Anabasis brevifolia*, *Stipa gobica* (хилагана). Около Шарангутая то же с добавлением нохой ширина (*Zygophyllum xanthoxylon*). Попадается *Nitraria Schoeberi* и *Eurotia ceratoides*. Карагана в районе Сангин Далай – Дэлгэр Хангай в полном цвету.

Наличие в Шарангаде и окрестностях типичной гобийской растительности в связи с некоторыми зоологическими фактами (появление хара сульты) заставляет предположить, что травянистая полупустыня Шанхайского нагорья (вернее его северной половины) отделена от переходной полосы обедненной степи нешироким рукавом типичной пустынной растительности, связанной с депрессиями центральной впадины.

Кроме того, мы можем констатировать, что граница пустынного растительного комплекса, т.е. кустарниковой полупустыни отодвигается на меридиане Шарангада несколько к северу, причем этот комплекс занимает пятнами дно депрессий.

Фаунистические заметки на участке Уланбатор – Шарангад были незначительны. По-прежнему первая *Antelope gutturosa* и первый *Syrrhaptes paradoxus* были встречены нами в Шарахай хундэй. В большом числе цээрэны попадались южнее, ближе к Сангин-далаю. К северу от Дэлгэр Хангая отмечено гнездо степного орла с одним птенцом, недавно вылупившимся. Распространение суслика-боцзолага - по-видимому, переходная полоса полупустыни и караганной степи, начиная с Сангин далая. Здесь между прочим его ловят и едят. Употребляются для этой цели специальные капканы-ловушки из дерева. Хара сульту я впервые встретил на пути из Дэлгэр Хангая в Шарангад на меридиане Лоса в типично пустынной обстановке. Здесь она встречается в небольшом числе наряду с цаган цээрэ.

Окрестности Шарангада весьма богаты змеями. Есть скорпионы. Обычного типа ящерицы (*Phrynocephalus et Eremias*) стали попадаться с Сангин далая.

Из разговоров с монголами в Шарангаде выяснилось, что я пересек глаголевский маршрут 1925 г., пролегающий недалеке (10-15 км) к западу от Шарангада, причем пересек его в непосредственной близости от кол. Могойту, оставив последний к югу. Таким образом, хоолай, виденный мною от г. Холод и был как раз Тугуригским.

Недалеке к западу от Шарангада имеется дуган. Южный вариант Улясутайского тракта проходит, очевидно, через Тугуриг. Северный же – в 2-3 км к северу от Шарангада.

Горы, помеченные на глаголевской съемке именем “Тыль”, а на 40-верстке “Тайлагэин-хара”, на самом деле называются “Дэль”, что оправдывается их характером (узкие каменистые гребни: “гривы” по выражению монголов).

Упомяну, что о существовании “Тугуригского” хоолая мне говорил на основании рассказов монголов еще Ц.Жамцарано.

В Шарангаде нам показали выветрелый уголь, добытый почти с поверхности км в 50 отсюда. Площадь, занимаемая им, довольно велика. Пробовали зажигать, чуть смочив предварительно бензином. По выгорании последнего, уголь начинает тлеть. Передавали слухи о нахождении угля в г. Хунчжил. Затем в Дэлгэр Хангае говорили о наличии угля в Цзун-Сайхане. Это сведение подтвердил один арат из этой последней местности, которого я встретил в Шарангаде. Он слышал об угле внутри гор, примерно в районе ущелья Йола. В самом Шарангаде необходимо отметить прекрасную жирную глину. Относительно сайханского угля говорили, что брать его можно прямо с поверхности. Кроме того указывали, что в 2-х уртонах к С.-С.-В. от Д[элгэр] – Х[ангая] в местности

Унисту также имеется каменный уголь.

Несколько слов о встреченных породах²⁾. Цапчир – гранит. Гранит же появляется и в Баяне (у Дэлгэр Хангая). На окраине г. Холод – конгломераты. По дороге с уртона Улан-Чжирим к Шарангаду встречены вулканические породы. Окрестные Шарангаду горы – плотный известняк, сильно напоминающий мраморизованные известняки Гурбан-цэрдэ (см. материалы 1930 г.). По пути к Сангин-далаю бросаются в глаза белые выходы кварца.

Шарангад (ныне станок на автомобильном тракте Уланбатор – Далан-Цадагад) расположен на южной окраине большого тойрима, между тремя небольшими горками, на ровной щебнисто-гравийной площади. От него расходятся автомобильные дороги: на Уланбатор, на Солангхэрский тракт, на Шанхай-ула и на Дэлгэр Хангай. Колодец (с плохой водой) – в полукилometре, другой (Уйцэн, с хорошей водой) – в 4-5 км³⁾.

По собранным сведениям в данном отрезке средне-степной полосы на летовки айлы выкочевывают в первой половине июня. Ближе к Гоби это проделывается немного раньше. Кочуют нормально 4-6 раз в году. При плохих кормах число кочевков увеличивается до 10 и выше. То же и с расстояниями, тем более, что однообразный рельеф не стимулирует закономерных дальних перекочевков.

{Об аймачном центре. В результате небольшого собрания в Дэлгэр Хангае с участием всего актива (кроме больного дарги и отсутствовавшего секретаря РСМ) выяснилось следующее положение: географические особенности аймака допускают строительство центра либо на северной окраине, либо на восточной окраине (Шанхайское нагорье), либо по линии хребтов Гобийского Алтая. Дэлгэр Хангай бракуется вследствие неважной воды и вообще плохого места (нет топлива, вывозят одни пути сообщения). Шарангутай бракуется безусловно (особенно вследствие воды). В северной полосе актив не мог указать ни одного подходящего места. Постановление о постройке центра в Догшихо было вызвано единственно лишь относительно центральным положением этого места в аймаке, так как в числе минусов – вода, топливо и дороги. Многие стоят за Бацзар Хуйтэн, тем более, что секретарь парткома говорил о наличии там каменного угля, что необходимо проверить.

Собрание вел я и я же резюмировал все мнения по поводу различных

2) См. заметки З.А.Лебедевой в ее работах.

3) Ныне Шарангад потерял свое значение, так как база МНЦК переехала в 1931-1932 г.г. в Далан-Цадагад, а в 1935 перенесен к западу и автомобильный тракт, на котором в Шарангаде был станок.

мест. Решено все же осмотреть это место (т.е. Бацзар Хуйтэн) вкупе с монценкопцами, а потом составить общее постановление.

Еще об аймачном центре. Был разговор в аймачной конторе МНЦК (Шарангутайской), где против Бацзар Хуйтэна не было высказано ни одного серьезного возражения, тем более, что публика ссылалась на проект ЭКОСО, упоминающий о Бацзар Хуйтэне. У меня появилась еще мысль о том, что для лучшего обслуживания Южно-Гобийского аймака, помимо перенесения центра в ара хоолай Сайханов, следует еще отрезать северную полосу этого аймака к Центральному. Помимо вышеприведенной причины необходимо отметить, что полоса эта по ландшафту принадлежит безусловно к степной зоне, т.е. к Центральному аймаку. Границу ее я провел бы через Дэлгэрэх и наискось к востоку-северо-востоку на стык 3-х аймаков в Баян Цокто. Обслуживание этой полосы Уланбатором не представит затруднений. Бацзар Хуйтэн окажется более, чем в центре. Местное население наверняка ничего не будет иметь против такой комбинации. А обслуживание южных сомонов весьма важно и с политической точки зрения.

База и райконтора МНЦК, гордо называемые “Шарангутай хото”, состоят из дощатой ограды, где под открытым небом, прикрытые брезентом, хранятся товары и сырье, и десятка полтора юрт. Кроме служащих – никого. В ближайших окрестностях – также. Все варятся в собственном соку. Сейчас затруднения с транспортом. На базе есть чай, много муки. Надо отправить по первичкам. Скопилось порядком сырья. Надо отправить в Уланбатор. Верблюдов нет и это понятно, так как сейчас время линьки и нагуливания. Говорят (есть уже постановление) чуть ли не о мобилизации. По политлинии достаточно вредная вещь. А между прочим все это, при расторопности, можно было бы сделать гораздо раньше и в самом спокойном порядке. Но... тогда в УБ не было, как-будто, товаров. Вина ложится, главным образом, на центральный аппарат, очевидно плохо представляющий себе местные условия и не могущий поэтому правильно спланировать снабжение гобийской полосы. Народу много, а толку не то, чтобы очень. Вместе с тем снабжение и притом бесперебойное именно южной полосы крайне важно политически, ввиду близости торговых центров Китая и оживленных когда-то сношений с ними. Кроме этого, этим летом должно быть проведено 6 кампаний. При проведении их на политически отсталом юге было бы крайне важно иметь под ногами почву, хотя бы в виде регулярного товароснабжения. Далее, часто в местные кооперативы попадают совершенно неспособные люди. Их выбирают для того, чтобы хоть кем-нибудь заполнить пустое место. Кому, в самом деле, охота возиться с кооперативом, с которого много спрашивают, но мало и с переборами дают? Идеология же еще слаба и ради бескорыстного желания

помочь делу пока еще никто не идет. В центральном аппарате же, по-видимому, далеко не изжиты казенщина, бюрократизм, нежелание вникнуть в нужду и особенности страны. Да вообще отрицательных черт можно было бы подобрать немало. Вся организация должна быть гибкой и каждый работник должен отчетливо представлять себе физиономию каждого аймака}.

26-го июня я выехал на автомобиле МНЦК из Шарангада в Шанхай улу. Дорога шла туда не прямо, а широкой дугой, выпуклой к западу. От Шарангута идет постепенный подъем, причем дорога эта расходится с дорогой на Дэлгэр-Хангай под очень острым углом. Миновав грядку слева, дорога (просто автомобильные следы) шла по волнистой равнине, открытой к востоку, югу и юго-западу. Здесь, не доезжая колодца Дэбидобу⁴⁾, мы пересекли глаголевский маршрут 1925 года. Могойту-худуг остался к северу, Тогориг (полностью Гурбан Тугуриг) – к югу. Горки Могойту были на виду верстах в 10-15. Автомобильная дорога из Дэлгэр Хангая в Шарангад проходит, видимо севернее их. Через колодец Дэбидобу проходит маршрут Н.М.Пржевальского, перекрещивающийся с глаголевским в Тугуриге. В ближайшем соседстве Шарангада растительность по дороге типично гобийская – боро-бударганная степь. В дальнейшем растительность переходит в пустынно-степную. Около Дэбидобу участок караганной степи. За Дэбидобу дорога идет все время по той же волнистой степи-равнине, имеющей как-будто слабый наклон к югу. Направление продолжает оставаться юго-западным. Горы Холод остаются неподалеку к северу. Далее наклон становится более заметным. На западе появляется силуэт Дэлгэр-Хангая. Спускаясь вниз, мы миновали монастырек Олдаху хид. Обычная для юга глинобитная стройка, около 200 лам, 2-3 колодца. Окрестности голые, гладкие. Покатая к расположенному невдалеке на юге тойриму равнина. За тойримом начался постепенный подъем. Почва песчаная. Отсюда открывается довольно широкий вид на север, достаточно уясняющий общую картину. К северу идет гладкий, широкий и более или менее ровный подъем, заканчивающийся рядом горных хребтиков. С запада высится Дэлгэр-Хангай, затем к востоку на одной широте с ним тянутся низкие грядки, соединяющиеся (с некоторыми перерывами) с грядкой Тэг. Последняя, как было уже описано выше, низкими холмами соединяется с Ю.-В. оконечностью гор Холод, также хорошо видных.

Восточнее г. Холод гор нет. Их заменяет та самая волнистая высокая степь, по которой мы приехали из Шарангада. Вся эта линия гор идет

4) Здесь проходит маршрут Н.М.Пржевальского.

сначала (на западе) в чисто широтном направлении, а затем сворачивает к востоку-северо-востоку. В этом направлении больших высот нет на большом расстоянии. Соответственно вышеописанной линии направляется и депрессия Центральной впадины, выраженная здесь в общем довольно ясно. Дно ее разделяется пологими перемычками на ряд замкнутых тойримов. К ним относятся небольшой тойрим около Олдаху хид, пересеченный нами, и расположенный к северо-востоку от него Гурбантугуригский хоолай. На глаз (так как анероидов я с собой не взял в эту поездку) район Шарангада кажется большой замкнутой котловиной, не сообщаемой с южной широтной депрессией. Маршрут Дэлгэр-Хангай – Шарангад и Шарангад – Шанхай ула был для меня очень важен в картографическом отношении, так как он связывает целый ряд меридианальных маршрутов (мой 1929 года, глаголевский 1925, Пржевальского, Казакевича 1924 г., мой 1930 г. и т.д.).

Немного южнее (приблизительно в 3-х км) Дэби-дубу мы пересекли южный вариант Улясутайского тракта, пришедший сюда от южного подножья г. Холод. В дальнейшем он проходит в ближайшем соседстве кол. Гурбан Тугуриг (см. съемку Глаголева).

От Олдахуского тойрима по неважной песчаной и бугристой дороге мы поехали дальше, придерживаясь азимута 215-217. Влево обозначалось понижение, впереди гряды запутанных каменистых холмов. Желая объехать кочки, мы без следов взяли несколько вправо и вскоре достигли этой гряды и поехали по ее восточному краю. Дорога плохая – много песку. Пересекши небольшой тойрим, мы въехали в холмы и выбрались на большую дорогу, пришедшую с северо-запада. По ней свернули на юго-восток. Дорога эта известна мне по маршруту Хошун-хид – Сайханы. Сайханская дорога, идя сначала левым берегом Онгиина, сливается с ней и идет по ней несколько км до пересечения Баян-Тэгских песков. В дальнейшем описываемая дорога идет через колодец Догшиху, затем на Цаган-хада у северного подножья Бага Шанхая, на Амаин усу (см. маршрут 1929 г.), Шанхай цзадагай и проходит значительно южнее Дучи хурала. В дальнейшем точное ее направление мне неизвестно⁵⁾.

Свернув по этой дороге на юго-восток, мы поехали по изрытому рытвинами южному склону возвышенности, имея справа красный тойрим с мелким саксаулом (первый саксаул от Уланбатора). Сзади, к западу остались небольшие горки зубчатого, скалистого вида (Баян боро, Ологой

5) Впоследствии выяснилось, что эта дорога пересекает горы Ихэ Шанхай к г. Ихэ лус, где сливается с веерообразно расходящимися тремя дорогами, ведущими в Ю.-В. направлении через Галбинскую гряду.

хайрхан). Восточный конец тойрима сузился в сайр, который мы и пересекли. В сайре на дороге колодец. За колодцем подъем на узкую плоскую грядку Цзун баян (?), сложенную красной глиной (третичная?), с размытыми обрывистыми боками. Здесь в промоинах я отметил первые гобийские хайлясы (*Ulmus pumila*). С этой гряды еще виден Дэлгэр-Хангай. Беглый взгляд на пространства к северу убеждает в том, что все пространство от данной гряды до Олдаху, вернее до северных гряд линии Дэлгэр хангая (южный край Среднехалхасской возвышенности) надо считать общей большой депрессией, разбитой на отдельные котловины с небольшими возвышенностями между ними (часть Центральной впадины). Описываемая гряда служит на данном меридиане как бы передовым с севера барьером Шанхайского нагорья. Любопытно наличие толщ красной глины почти на одной широте с Баян-цагской. Если продолжить эту линию далее на запад, то недалеко от Баян цзага мы снова столкнемся с такими же толщами в районе Бугу-хайрхана, на южном склоне восточной оконечности г. Арца Богда. На восток же эти толщи встретятся на той же широте к С.-В. от ур. Цзубур на старой Улясутайско – Калганской дороге. Насколько помнится, в других местах таких останцов я не встречал⁶⁾. Принимая во внимание направление возвышенностей и депрессий, главным образом Центральной (так можно назвать описанную выше большую депрессию), нельзя не поставить все эти останцы в некоторую гипотетическую связь, объяснение которой легко найдут геологи.

Упомянутая красная гряда (Цзун баян) по характеру своему непосредственно к Шанхайскому нагорью (сложенному метаморфическими сланцами) не относится. Оно начинается несколько дальше. Гряда эта называется Баян или Хояр Баян. Небольшой участок спуска с нее по размытым гребням был очень плох, по-просту говоря, опасен. Далее идет спуск к обширному тойриму, западный конец которого дорога пересекает. Вправо остаются горы Дэриту (?). Дорога идет по их бэлю, затем они остаются позади. Имея слева все время тойрим, маршрут выходит к округлой белой известковой горке с обо, обозначающей собой колодцы Догшиху, расположенные непосредственно за ней. Три колодца находятся во впадине между двумя известковыми холмами и окружены песчаными буграми с нитрарией. Вода среднего качества. Монголы считают ее плохой⁷⁾. С Догшихуского обо открывается довольно широкий вид. На

6) Аналогичные мощные толщи, но уже не глины, а красного песчаника отмечены в том же 31 г., а более подробно - в 35 г. в районе Ширэгин гашунской котловины к югу от г. Бага богда.

7) О Догшиху см. В.А.Казакевича (“Центр. Гоби и Золотой караул”).

севере за обширным (особенно в его западном конце) тойримом, тянется гряда Баян, к востоку повышающаяся и называемая там Бумботуин цзо (см. съемку Глаголева в 1925 г.). Северо-восток закрыт грядками, относящимися к системе гор Дэль и находящимися к югу от Абораху сумэ. На юго-востоке, куда от Догшиху идет подъем, видна гряда Бага Шанхай. Юг и юго-запад – повышенная волнистая степная равнина. Запад (вернее запад-северо-запад) – горки Дэриту.

Кол. Догшиху оказался как раз в 90 милях (144 км) от Шарангада. Здесь, собственно и проходит истинная северо-западная граница Шанхайского нагорья. Попутно уместно попытаться выяснить его границы вообще.

На севере это нагорье граничит с Центральной впадиной, проходя примерно через колодец Иртын (Эрдэни) Тологой худуг (на маршруте Глаголева). Обогнув горы Дэль с северо-запада, граница нагорья уклоняется к югу и идет через Догшиху в общем на юго-запад в направлении к Бацзар-хуйтэну вплоть до ара хоолая Сайханов. Отсюда она поворачивает на юго-восток и примыкает к восточному мысу Цзун-Сайхана (один вариант). В этом случае котловину Годли-Балгас надо считать выключенной в нагорье. По второму варианту она огибает с севера и эту котловину и только тогда примыкает к “плоскогорью Буур-Номогон” (термин В.А.Казакевича, “Центральная Гоби и Золотой караул”). Далее она условно (так как здесь Шанхайское нагорье сливается с восточной оконечностью Гобийского Алтая) идет вдоль северного склона гор Буур и западной части Хурхэ. К востоку от меридиана кол. Улан Худуг (маршруты Глаголева 1925 г. и мой 1930 г.) г. Хурхэ уходят в юго-восточном направлении. Граница же Шанхайского нагорья направляется прямо на восток. Здесь между ними вклинивается северо-западный угол Цзаг-Сучжиин гоби. Сохраняя восточное направление, южная граница Шанхайского нагорья проходит через мон. Баг-модо, пересекает сухое русло Ундагиин гол⁸⁾ и уходит далее на восток. Ю.-В. угол нагорья и восточная его граница неясны⁹⁾. Есть только один пункт, определяющий последнюю. Это – Баян-булагин хурал на моем маршруте 1929 г. (см. высоты по этому маршруту, обработанные Кондратьевым). Также неясен и северо-восточный угол, так как быстрое возвращение в 1930 г. из Хояр Олцзэйту по Солангхэрскому тракту не дало мне в этом отношении почти ничего. Можно только предположить, что местность

8) Об этом районе см. мои материалы 1930 года.

9) Ю.-В. угол нагорья определен в результате работы этого же 1931 г. (см. ниже – поездка к г. Галба) и, главным образом, 1932 года.

вокруг старого уртона Хабирга на этом тракте может быть условно отнесена к нагорью, равно, как район Улясутайско – Калганского тракта в восточной половине участка Цзубур-Хотол усу. В этом случае нагорье дает в северо-восточном углу язык к востоку и крайней восточной его точкой будет примерно Цзубур.

Основной меридианальной осью Шанхайского нагорья может служить, примерно, глаголевский маршрут 1925 года. Возможно, впрочем, что в этом случае западная половина нагорья окажется меньше восточной. Мой маршрут 1929 года пересекает нагорье почти правильно по диагонали от Цзубура на Бацзар-Хуйтэн, оставляя последний несколько в стороне к западу.

От Догшиху, повышающейся волнистой степью, мы поехали к западной части гряды Бага-Шанхай. Вскоре автомобильные следы отошли от большой дороги, уходящей на кол. Цаган-хада, находящийся у северного подножья этой гряды, оставив ее левее. В нескольких километрах к западу от Цаган хада, мы пересекли Бага Шанхай едва заметной седловиной, через которую ведет выючная тропа; затем этой же тропой пересекли степь к югу от этого хребтика и подъехали к гряде Шара-хацар у кол. Сучжи, где получилось таким образом скрещение трех маршрутов: 1925 года (Глаголев), 1929 г. (мой) и 1931 г. (тоже мой). Перевалив гряду Шара-хацар несколько песчаной дорогой, и проехав немного по высокой степи, мы спустились в небольшой хоолай, по дну которого дорога оказалась плохой. Впереди в тумане маячили горки около монастырька Барун-су, известного мне по экспедиции 1925 года. Вечер был очень туманный и это не позволило делать засечки, хотя например хребтик Цэцэй должен был быть видным. Далее начался постепенный подъем степью к горам Ихэ Шанхай. Миновав по дороге колодец и оставив горки Барун-су к югу, мы поздно добрались до поселка Шанхай ула¹⁰⁾.

По дороге я получил дополнительные сведения о монастырях хошуна Шанхай.

Четыре из них, ранее известных мне лишь по названию, расположены следующим образом: Шара добу - к северу от Табун хоботу; Люнгиин хурал – недалеко к С.-В. от Ламаин дугана; Булаг билу в г. Дэль; Хара Ноян хурал – на южном склоне г. Бурал-Уголцза. Итого в хошунах Гурбан-Сайхан и Шанхай ула 31 монастырь.

В Шанхай Уле мне сообщили о возможном золоте у восточной оконечности гор Дэль, в местности Бутэлиин цаган (хада). Там когда-то кто-то копал. Результаты неизвестны. Потом как-будто был найден

10) Впоследствии Цэцэй суму.

самородок. Рядом горка из белого камня (кварц?), указал бывший сумунный дарга Ольцзэйту сумуна Шанхай-ульского хошуна Чжигмитсерен. Он же говорил о большой пещере на склоне горы Дэль к востоку от мон. Абораху, прямо к северу от г. Хунчжил в горе Баян Хонгор. Золото в том же направлении от Абораху, уртонах в 1,5-2.

Заметки о растительности по пути. На участке Шарангад - Олдаху идут последовательно: сначала типичная боро-бударганная (*Salsola gemmascens*) степь, потом травянистая (хумуль, тана) пустынная степь, около Дэби добу с караганой. Таким образом типично гобийская растительность в окрестностях Шарангада является островом. Далее к югу от Олдахуского тойрима отмечена песчаная почва с полупустынной, частью кустарниковой растительностью. В дальнейшем участок крупной кустарниковой полыни. В Баянгиин хоолае (тойрим) – первый цзаг, мелкий, но очень свежий, яркий. Здесь же первые хайлясы. Роща хайлясов была видна от Догшихуского обо на Ю.-В. склоне Бумботу-цзо. В 1925 г. первые хайлясы отмечены на этой же широте, сейчас же к югу от мон. Абораху. Рассматривая их границу, можно сказать следующее: линия ее идет от Сайн усу примерно вдоль Центральной впадины до меридиана Догшиху или западнее, а потом сворачивает круто к югу, пересекает Гобийский Алтай и идет его южным краем до Ноян-Богдо, откуда спускается к Эцзин голу (где хайляса нет). Граница эта, впрочем достаточно условна, так как хайлясы не встречены на участке Цзубур-Баян булаг и по всему Шанхайскому нагорью, исключая окрестности мон. Абораху и южную окраину нагорья (Ундагиин-гол)¹¹.

В тойрине к югу от Баяна - гобийская растительность. Попадаетея шара бударгана (*Kalidium gracile*). За Догшиху и до Шанхай-улы - обедненная степь и травянистая полупустыня, столь характерные для северной половины Шанхайского нагорья. Выпадает лишь хоолай к югу от Шара-хацара, где встречается нохой ширин и другие типично гобийские растения. С осадками везде было плохо. Прошли лишь небольшие дожди, да и то не везде. Расспросы показали, что в общем осадков до моего приезда по Шанхай уле было мало, особенно на юге. В г. Гурбан Сайхан было хорошо, к югу и юго-западу от этих гор – плохо.

Два последних дня стояла плохая погода, было пасмурно и холодно с ветром, а дождя не было. На ветры в пос. Шанхай ула вообще жаловались. Основательную бурю мы перенесли в Шарангаде, где она нас застала во время экскурсии на вершине горы. Голые руки (я был в майке) исхлестало

11) Это северная граница гобийского ильма. Хангайский же ареал этого дерева отделен от гобийского значительным пространством.

песком докрасна, стоять было трудно.

По фауне на пройденном участке от Шарангада до Шанхай улы заметок было мало. Хара сульты встречались в небольшом числе по всему пути от Шарангада, частью вместе с цаган цээрэ. Больше ничего отмечено не было. Цаган цээрэ маловато.

В Шанхай уле я решил съездить к г. Балба в местность Далай булаг, проверить один из слухов о нефти. 28-го после полудня мы выехали на юго-восток, ночевали две ночи и 30-го в полдень вернулись обратно.

Успехом в отношении нефти эта поездка не увенчалась, но была очень любопытна в географическом отношении и дала много топографического материала.

Описание маршрута. Из Шанхай ульского кооператива мы выехали почти по следам прошлого (1930) года, следуя бэлем г. Ихэ Шанхай в широкий проход между этим последним и кряжем Цэцэй. Постепенно спускаясь, и пересекши по пути западную окраину холмов, составляющей как бы размытую Ю.-З. часть бэля г. Ихэ Шанхай, мы выехали на Хобдо – Калганский тракт и покатали по нему в юго-восточном направлении. По очень хорошей дороге мы быстро доехали до кл. Хэрэ-булаг. Обычная для Северной гоби картина: у подножья небольшого холма, почти на дне долины небольшой ключ, окруженный бугристыми песками с нитрарией и дэрэсуном. За ключом мы оставили (вернее, с объездами неудобных мест потеряли) дорогу и напрямик, объезжая тальвеги с бугристыми песками, поехали к восточному мысу скалистой Ихэ-улы (Ихэ лус), где, как я знал по прошлому 1930 году, должна проходить дорога. Там, на гладком увале, ограничивающем убур хоолай Ихэ Шанхая с юга (на нем насажена Ихэ ула), мы снова нашли эту дорогу. За бугром она спускается в порядочную котловину, окруженную холмами и имеющую желобообразный выход к западу, между Ихэ-улой и Бага-улой. Котловина эта ограничена с С.-В. группой Обо, с Ю.-В. холмами Цзамин шабагтай хойту нуру, с юга обширными холмами, в которых находится кл. Олцзэйту булаг (см. 1930 год). Дорога идет восточным краем котловины, пересекая несколько пологих мысов. Как известно, по этому тракту прошла на автомобилях экспедиция Р.Ч.Эндрюса. Кроме того именно на этом участке прошел в <...> году М.В.Певцов.

За этой котловиной, перевалив грядку холмов, мы выехали в долину к кол. Цзамин шабагтай и остановились в сумунном управлении Чжибхуланту сумуна. Долина эта замкнута тут же у дороги с запада и открыта к востоку, где видна равнина. Далее, пройдя восточным краем холмов Сучжи, дорога выходит в новую долину, также открытую к востоку и замкнутую на западе. Пересекши ее мы перевалили седловину

между выделяющимися по высоте среди окрестных холмов горками Гурбан Галют. С их южного склона открывается обширный вид на восток, но о нем несколько ниже. За этими горками дорога раздваивается, причем по-видимому, оба варианта идут на Калган. Правая дорога, пересекши небольшую долинку, подымается на холмистую грядку с отдельными выдающимися горками Бага- и Ихэ-Харату, переваливает ее, оставляя на спуске влево красноватые холмы Цзамин улан и Ошигин цохио, и пересекает широкий песчаный сайр с колодцем Халиб. После этого идет пологий подъем к гряде Галбаин хяра и г. Галба-хайрхан (она же Хан богда). Далее эта дорога пересекает Галбаин хяра и уходит на Ю.-В. к г. Номоган. В общем дорогу на описанном протяжении можно считать вполне сносной в монгольских условиях. Удобные участки преобладают, плохих мало. К последним надо отнести участок по хоолаю к Ю.-В. от Хэрэ булага (дорога здесь, видимо пропадает). Очень плох сыпучий сайр около Халиб худуга. Кроме того местами попадаются узкие тальвеги с бугристым песком. Грунт дороги плотный, каменистый или гравийно-щебнистый. О втором варианте дороги – ниже.

От аила у Халиб худуга я поехал на сменных от юрты к юрте верблюдах на восток. Ехал все время вдоль северного подножья гряды Галбаин хяра. Доехав назавтра к полудню до кл. Баян булаг, я выяснил интересовавший меня вопрос в отрицательном смысле и тем же путем и способом вернулся к автомобилю.

Общая картина этого маршрута следующая. Хоолай, тянущийся к югу от гор Ихэ Шанхай и Цэцэй, разделяет Шанхайское нагорье на две половины: северную и южную. На западе он соединяется с котловиной Годли Балгасу, восточного продолжения его я не видел. Северной границей его к западу от Цэцэй служат горы Бага- и Ихэ-Аргалинту с грядками холмов между ними. С юга идут: гряда с Ихэ улой (выклинивается), Багаула и холмистый северный склон южного водораздела нагорья (по маршруту 1930 г. об этом водоразделе см. в заметках по этому маршруту). Далее к западу хоолай сильно расширяется и видимой его границей служит хорошо видная от Цэцэй гряда Ихэ Хачиг. К северу от нее видны незначительные грядки (см. съемку Глаголева 1925 г.), но на далеком расстоянии они ступеньваются. В дальнейшем к западу хоолай этот, по-видимому, снова сужается, так как с юга выступает возвышенность Гурбан Гэдэрэг (см. Казакевича, цитированная работа 1924 г.). Новое расширение дает котловина Годли-Балгасу. Этот основной хоолай Шанхайского нагорья является в известной мере границей разных растительных формаций. На севере преобладает травянистая пустынная степь с пятнами обедненной степи (местами караганная степь). На юге же мы имеем

типичную травянистую полупустыню и частью кустарниковую пустынную степь (т.е. травянистый ковыльково- луковый комплекс – тана-хилагана-багалуровые ассоциации в первом случае и мелкокустарниковый комплекс – улан- и боро-бударганные ассоциации – во втором). За этим хоолаем дорога идет по восточной окраине Шанхайского нагорья, имея к западу почти сплошную холмистую возвышенность и пересекая ее снижающиеся к востоку и быстро выклинивающиеся отроги. Таким образом граница холмистой части южной половины Шанхайского нагорья идет с С.-З. (восточные окрестности Ихэ улы, приблизительно горы Обо) к Ю.-В. (восточная оконечность Галбаин хяра – Цокцолаин хяра). Иначе говоря, южная гряда Шанхайского нагорья, прорванная в районе маршрута 1930 г. сайром Ундайин гол (Ундагийн гол), в которой находится г. Галба, как раз и образует крайний Ю.-В. угол этого нагорья. Оттуда можно провести линию на Баян Булагин хурал – это и будет примерно восточной и юго-восточной границей Шанхайского нагорья.

Сток всех сайров по маршруту 1931 г. направлен на восток. Очевидно, что главный водораздел южной части нагорья выклинивается либо около Цзамин Шабагтая, либо по соседству. Сайр Халиб Худуга служит тальвегом небольшого хоолая, приходящегося примерно против равнины, отделяющей главный водораздел южной части Шанхайского нагорья от гряды Галба - Бурханту. Он тоже направлен на восток, т.е. без малого перпендикулярно Ундайин голу.

Местность к востоку от дороги (1931 г.) и к северу и северо-востоку от восточной половины Галбаин хяра представляет собой огромную равнину, уходящую на восток. Ее северная часть довольно высока и на ней разбросан ряд более или менее изолированных друг от друга отдельных горок и мелких грядок. Среди них особенно выделяется г. Субурга – одинокий скалистый черный пик – и г. Сумун с более спокойными формами. Остальные, сосредоточенные к западу и северу от упомянутых – мелочь. Очень далеко на севере видна еще одна гряда с острым пиком-вершиной. Судя по расстоянию до этой горы, она должна быть недалеко к югу от гор Хояр Улцзэйту.

В центре видимой с нашего маршрута части этой равнины расположена небольшая грядка Гурбан Хэрэс, по имени которой эта часть равнины и называется Гурбан Хэрэсин гоби. Понижение равнины направлено к востоку. Южнее Гурбан Хэрэса залегает уходящий в сторону хоолай, к которому сходится большинство сайров и долин, виденных нами, по крайней мере от Гурбан Галют и до Баян булага. Хоолай этот проходит в дальнейшем к северу от холмов Дурульжи, лежащих к северу от Цокцолаин хяра. Разделяющая эти две возвышенности долина наклонна

на запад, затем ее главный сайр, огибают холмы Дурульджи с юга и, влившись в вышеупомянутый хоолай, уходит с ним на восток. Долина эта на востоке почти замкнута. Через седловину видна далеко синюющая горная группа Алаг баянгийн ула. К западу от нее, по словам монголов, залегает большая депрессия с тойримом, к которой и уходит равнина Гурбан Хэрэсин гоби. Тут, словом, начинается настоящая юго-восточная, Хутуг-ульская или Мэргэнвановская Гоби. Галбинская гряда невысока, но чрезвычайно скалиста, зубчата, изрезана узкими коридорообразными ущельями. Высота отдельных мест гряды почти одинакова. Отдельным куполом торчит лишь Галба-хайрхан, невысокая, но характерная и заметная гора. Цокцолаин хяр мягче и представляет собой обычную гряду холмов.

Гряда Оушкин цохио, залегающая к северу от Халиб Худугского сайра, невысока, и как показывает название, скалиста и красновата. Сайры, пересекаемые дорогой на участке Гурбан Галют – Ихэ Харату впадают в долину, уходящую на В.-Ю.-В. под острым углом к дороге, впадающую в основной хоолай и отделенную от Гурбан Хэрэсин гоби низкой сероватой грядой. Долина эта называется, кажется, Харганаин ама. По ней направляется левый, восточный вариант описанной выше дороги. В долине вариант этот основательно передут и испорчен. В дальнейшем эта дорога (собственно Хобдо – Халганский тракт) пересекает основной хоолай, подымается на ара бэль восточной части Галбаин хяра и уходит внутрь гор. На бэле она хорошо сохранилась. Других дорог в данном районе не отмечено. На бугре к востоку от Ихэ улы описываемый тракт пересекает наезженную дорогу, направляющуюся с С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В. На севере она пересекает г. Ихэ Шанхай, на юге уходит к Улцзэйтү булагу и должна пересекать нашу дорогу 1930 г. на Бурханту. Она является продолжением дороги Догшиху – Цаган хада – Амаин усу, и направляется на Баоту. Обе же другие дороги (через Бурханту и Галба хайрхан) идут на Хуху-хото.

Растительность по пути также указывает на восточную границу Шанхайского нагорья. По самой дороге на Галбу она не изменяется. Тана, багалур, хилагана и т.д. У воды нитрария. Зато по левому варианту дороги (на Калган), т.е. по Харганаин ама – ясно выраженная крупнокустарниковая пустыня – хуйрик, тэск. По ара бэлю Галбаин хяра и дальше на восток – шара модо, нохой ширин, хуйрик, изредка цзагсагал. В горах буйлэсу. К востоку от Баян булага виднелась поросль цзага. Это уже ясное доказательство того, что Шанхайское нагорье кончилось. По северной окраине Галбаин хяра и далее на восток много хайлясов. Отдельные экземпляры растут и в хоолае. Хайлясы здесь достигают

полной меры – попадались прекрасные экземпляры в два обхвата.

С кормами по маршруту было плоховато. В убур Шанхайском хоолае почти голо, так же, как и в прошлом 1930 году. Далее чуть лучше, тоже одинаково с аналогичным сезоном 1930 г. Позже в том году прошли небольшие дожди. В районе Халиб худуга был приличный багалур, выросший после весеннего большого снега. Дождей до нас не было, при нас выпал на 2 пальца. Багалуром этим объедались верблюды, приходя с пастбища с животом, натянутым как барабан. Вещь для них опасная, так как иногда они сдыхают от вспучивания брюха.

{Хуримин сомон. Хозяйств 295, душ 1.628, верблюдов 1939, баранов 18.893, крупного рогатого скота 1.018, лошадей 3.073, коз 18.992.

Сэврэй сомон. Хозяйств 252, душ 1.530, верблюдов 2.294, баранов 13.336, крупного рогатого скота 396, лошадей 1.565, коз 21.555.

Норбо сомон. Хозяйств 277, душ 1.383, верблюдов 3.580, баранов 32.229, крупного рогатого скота 982, лошадей 4.650, коз 28.279.

Процентное соотношение будет следующее:

<i>Сомон</i>	<i>Верблюды</i>	<i>Лошади</i>	<i>Кр.рогат.скот</i>	<i>Бараны</i>	<i>Козы</i>
Хуримин	4.4	7.0	2.3	43.0	43.3
Сэврэй	5.9	4.0	1.0	34.0	55.1
Норбо	5.1	6.7	1.4	46.2	40.6

Эти цифры – данные Сайханского кооператива по 3-м сомонам. Интересное добавление к моей работе по скоту. Необходимо точно выяснить границы этих сомонов, детально охарактеризовать характер их ландшафта (для чего я достаточно хорошо знаком с местностью) и произвести анализ вышеприведенных цифр. Кроме того, можно будет определить площади сомонов и количество кв. км, приходящееся на одно хозяйство. В смысле количества членов семьи можно привести следующие цифры:

Хуримин сомон - 5.5

Сэврэй сомон - 6.1

Норбо сомон - 4.9

Цифры эти ориентировочны, так как за неимением уточненных сведений, предполагается, что все души находятся в хозяйствах и свободных в этом отношении нет. Из верхних цифр можно кроме того, с некоторой натяжкой получить площадь выпаса на единицу скота, что, конечно, достаточно интересно, особенно если это дело поставить в связь с кормовой производительностью.}

Мы ехали ночью на верблюдах, пришедших с пастбища. Пришлось остановиться из-за одного из них, которому пришлось плохо. Он лежал и

беспрерывно рыгал. Через полчаса ему полегчало, живот несколько опал и дальше мы ехали беспрепятственно.

Как я указывал выше, на юго-восток мы поехали для того, чтобы проверить слух о нефти. Был назван ключик Далай булаг, находящийся как оказалось, в Цокцолаин хяре. До него мы и не доехали, так как на ключе Баян булаг оказались явления, аналогичные Далай булагским. Подъехав к Баян булагу, мы увидели обычную для ключей зеленую площадку и небольшое русло с двумя-тремя ямами. Тут же оказался колодец с большим количеством воды. Собственно текучей воды, вследствие отсутствия дождей, не оказалось. В одной из впадин с глинистым дном мы обнаружили черно-ржавую застоявшуюся воду. Она была настолько черна, что при толщине слоя в 1-2 см прозрачность уже отсутствовала и окраска оказывалась насыщенной. Вода ничем не плоха. В сине-серой глине со дна посторонняя окраска отсутствовала совершенно. На поверхности воды не было обнаружено никаких жирных пятен. Подробный осмотр всех водовместилищ и почвы в их окрестности выявил следующее.

Вода, поступающая непосредственно из-под почвы (колодец, ямы по руслу с возможной слабой подземной текучестью) чиста, прозрачна, не имеет запаха и каких-нибудь налетов.

Глинистая почва (самое русло более или менее песчано) насыщена гниющими вследствие сырости остатками скотского кала и во многих местах издает резкий запах аммиака. Очевидно, что застаивающаяся на этой глине вода представляет собой настой этих остатков. Кочевники окрестных мест всегда живут в окрестностях этого ключа и скот, особенно в засуху, постоянно топчется на зеленых лужайках у воды. Большие уиры уносят настоявшуюся воду и после них новая вода держится некоторое время чистой. В дальнейшем она снова настаивается и делается такой же черной. Эти соображения подтверждены и местными жителями. Далай булаг беднее водой, нежели Баян булаг. На нем обнаруживаются явления, аналогичные вышеописанным.

Маршрут Шанхай ула – Баян Тухум

На запад из Шанхая мы выехали 1-го числа июля месяца. По моему указанию направились без дороги в юго-западном направлении с тем, чтобы выехать на Хобдо – Халганский тракт западнее Цэцэй. Путь шел высокой, волнистой степью, характерной для района к западу от Шанхай улы. Горки Табун тологой (месторождение каменного угля, см. Казакевича *op.cit.*) остались налево. Описав изрядную дугу, мы выехали на тракт

немного западнее Цэцэй¹²⁾. Дорога в этом месте спускается с ара бэля Цэцэй в небольшую котловину. Внизу справа подходят холмы, слева бугристые донные пески, и дорога идет по самой их границе. У подножья двух-трех более высоких холмов дорога пересекает довольно неудобный сайр, окруженный теми же буграми, тут же минует колодец с приличной водой и огибает высокую группку холмов справа (с севера). На их Ю.-З. подножье дэрэс, донные бугры и была видна вода (лужа после дождя?). В дальнейшем тракт, имея справа холмы, спускается в котловину Шобунчжирим, имеющую округлую форму. В центре котловины ярко зеленеет небольшой оазис того же имени. Дэрэсу, донные бугры, луковая площадка и небольшой ключ¹³⁾. Объехав этот оазис слева, мы стали подниматься по бэлю небольшой скалистой группы Бага Аргалинту к седловине между этой группой и южной грядой холмов. Надо заметить, что от самого Цэцэй мы все время имели слева на некотором расстоянии гряду холмов, соединяющих Цэцэй с Бага Аргалинту. Удобный подъем привел к седловине почти у самого южного подножья Бага Аргалинту. Затем начался новый спуск в глубокую котловину, разделяющую Бага- и Ихэ-Аргалинту.

В тальвеге этой котловины есть большой сайр, имеющий сток как будто на север (?). То же с вопросом можно сказать и о ранее пересеченных котловинах. Либо они бессточны, либо имеют выход к северу. Южные холмы на спуске к упомянутому сайру отошли к югу и снизились. На дороге у сайра вода не отмечена. Далее идет подъем на ара бэль Ихэ Аргалинту, вернее на холмистую возвышенность, на которой находится эта весьма скалистая и расчлененная небольшая группа.

На меридианах Ихэ-Аргалинту мы перевалили эту возвышенность и, чуть сдав к северу, стали спускаться к сайру, уходящему в холмы. Влево, на бэле Аргалинту, холмов нет. Внизу мы обогнули по сайру справа группу холмов, миновали расположенный в сайре кол. Гэцзэг, а затем поднялись на плоскую возвышенность, откуда открылся широкий вид. На западе недалеко виднелась плоская, с обрывистыми, почти отвесными краями, чуть покатая к северу Хан-ула. За ней высилась скалистая громада Цзун-Сайхана, вершины которого были в облаках. Чуть правее виднелся Дунду Сайхан. На юге, за ясно чувствующейся глубокой впадиной Годли-Балгасунского тойрима, хорошо видна гряда Буур (о ней подробнее см. у Казакевича), кажущаяся с севера гораздо более высокой, нежели с юга (см. дневник 1930 г.). За ней виден гребень Ихэ Номогана. На юге видны

12) Отсюда и до Хан улы мой маршрут совпадает с маршрутом Р.Ч.Эндрюса.

13) Где-то здесь мы пересекли маршрут С.А.Глаголева (1925 года).

расчлененные горки - вероятно Баян ула и окрестные. К юго-востоку виднеется плоская возвышенность Гурбан Гэдэрэг. Отсюда я взял ряд контрольных засечек, для увязки со съемкой 1930 года.

Далее дорога постепенно спускается в выемку, ограничивающую Хан улу с востока, пересекает здесь маршрут Казакевича (1924 г.) и поднимается среди мелких холмов к крайнему северному мысу Хан-улы. Перевалив его небольшой седловинкой, тракт начинает спускаться в обширную Ара-Сайханскую депрессию. Желая попасть на ара бэль Цзун-Сайхана и объехать тальвег депрессии с юга, мы вскоре оставили дорогу и круто повернули к восточной оконечности Цзун-Сайхана. С поворота были видны: г.г. Угомор (см. маршрут 1929 г.), Халга, Дунду-Сайхан, Охин хутуль и Цзун Сайхан. Взяв направление на восточную вершину последнего, мы стали без дороги спускаться в понижение между Цзун Сайханом и Хан-улой. Вскоре въехали в мелкие холмы. Седловина между Балгасунской и Ара-Сайханской депрессиями осталась влево. Холмами мы незаметно проехали низшую точку, оставили невдалеке вправо ключ Далан цзадагад (не зная об этом) и выехали из холмов на покатую к северу равнину, залегающую между собственно бэлем Цзун Сайхана и тальвегом депрессии. Проехав немного по этой равнине, мы остановились у одного из айлов, с целью осмотреть Далан-цзадагад. В дальнейшем мы двинулись все той же степью прямо на видневшиеся на горизонте горки Бацзар, оставив ключ Хуйтэн к северу. Миновав мон. Мани хурал (он остался к С.-В. примерно в 1-1.5 км), мы подъехали к ключу Бацзар, осмотрели его и в дальнейшем двинулись уже к перевалу Халга, около которого я закончил свою съемку, сомкнув ее со съемкой 1929 года. Ночевали мы не доезжая перевала, на том же колодце, что и в 1929 г., причем там оказалась та же юрта.

Во время этой поездки я хорошо ознакомился со всей ара депрессией Сайханов. Она ограничена Цзун- и Думда-Сайханами с юга, Хан улой с востока и Шанхайским нагорьем с севера. Между Цзун-Сайханом и Хан-улой залегают холмистая седловина, довольно высокая относительно депрессии. Хан-ула же непосредственно примыкает к Шанхайскому нагорью. От нее на восток тянется гряда холмов (Нарин хара шили по Казакевичу), вдоль и по которой мы ехали от Шанхай улы к Далай цзадагаду. От хоолая депрессии к северу также идет подъем на нагорье, заканчивающийся Угоморской грядой. Между восточной частью этой гряды и Хан улой с Нарин хара шили находится возвышенная равнина, полого спускающаяся к ара хоолая Сайханов и уходящая на В.-С.-В. за горизонт. Судя по направлению, она переходит в равнину к югу от Шарахацара и, следовательно (?), идет к Дучи хурулу и выклинивается около Ульцзэйту (Баян) обо. Убур Хунчильский хоолай, вероятно, проходит к

югу от Бага Шанхая.

Угоморская гряда заканчивается на меридиане холмов Бацзар. Здесь находится крайний западный угол Шанхайского нагорья. Далее к западу и северо-западу залегает Баян-цагская депрессия, являющаяся частью наиболее широкой в этом месте (от Дэлгэр Хангая до Сайханов не менее 150 верст, исключая широкие бэли) Центральной впадины.

Нагорье полого спускается к этой депрессии. С верхнего края бэля у Халги виден Дэлгэр Хангай и правобережная возвышенность Онгиин гола. В центре этой части впадины ясно видна гряда красных глин, заканчивающаяся в Баян цзаге. На восток же она тянется далеко и, возможно, соединяется с глинами Баян- и Бумбатуин цзо. С.-З. граница Шанхайского нагорья идет, следовательно, от западного своего угла против Бацзара на Догшихо, может быть, делая небольшой изгиб к С.-З.

Самый тальвег Цзун Сайханской депрессии ограничен с запада горками Бацзар, на восток он тянется примерно до меридиана Далан цзадагада. Основных ключей, действующих, за редкими исключениями, всегда в этом районе три: Бацзар, Хуйтэн и Далан-цзадагад. Первые два находятся в самом тальвеге, в западной его части. Далан же на склоне, ведущем к тальвегу с седловины Хан-ула – Цзун Сайхан. Больше крупных ключей нет. Мелкие появляются кое-где после дождей.

Далан Цзадагад представляет собой расположенную на пологом открытом склоне большую и очень богатую водой кочковатую мочажину, местами зыбучую, окруженную дэрэсунным наносным валом. На мочажине в целом ряде мест бьют ключики, соединяющиеся в небольшой ручей, текущий вниз, в хоолай. Мы проследили его на 3-4 км. Сейчас ключ этот бежит не по своему старому руслу, а по главной канаве, орошавшей старые (“Дорчжи-Мэйрэновские”) пашни. На пашнях есть развалины небольших построек из сырцового кирпича, остатки мельницы (сохранились хорошие жернова), молотильные валы. Довольно хорошо сохранились каналы. Общая площадь пашен – примерно 20 десятин (?). Вокруг ключа – ровная, слегка покатая к северу, степь.

Ключа Хуйтэн мы не осматривали, а на Бацзаре останавливались. Донные бугристые пески с нитрарией, солонечный кочкарник, обильный гуджир. Порядочный ключик, вытекающий из небольшого болотца с хвощом и парой кустиков камыша. После дождя в болоте было много воды. Вода в ключе на вкус гуджиристая, может быть вследствие дождя. Место довольно унылое. Тут же имеется обильный водой колодец. По словам местных жителей в засуху Бацзар и Хуйтэн почти исчезают. Далан не страдает от засух и богаче всех водой.

Начиная от горок Бацзар идет пологий водораздел, отделяющий Цзун

Сайханскую северную депрессию от северо-западной (Баян-цзаг и дальше). По-видимому, он проходит наискось от входа к перевалу Халга на западный угол Шанхайского нагорья, хотя участка от этого угла до Бацзара я толком разобрать не мог. Между этим водоразделом и северным бэлем Дунду-Сайхана залегает постепенно выклинивающаяся впадина, идущая от Бацзара. Мы ехали правым северным ее краем, по склону водораздела. Перевалив Халгу по хорошо знакомой мне дороге, мы свернули с этого перевала прямо на Баян Тухум и, описав во избежание сайров бэля, небольшую дугу, выехали на Цончжиин цзам¹⁴⁾ уже около самого сумуна. Баян тухум ярко зеленеет. После дождя дорогу по окраине тойрима размыло и мы основательно засели в глубокой красной глине. Порядочно покопались.

{В бывшем Гурбан Сайханском хошуне сейчас 5 сомонов: Хурмин, Норбо, Хонгор, Сэврэй и Ноян. Центры их находятся на Цаган голе, у <...> оконечности Барун Сайхана, в Баин Тухуме, на <...> склоне Ихэ Номогана (против Цаган Субурга) и на <...> склоне Ноян Богдо (Хубгун, около <...> конца Хоримцука). Палатки МНЦК при сомонах, за исключением Хонгорской, находящейся в Наране. Центральная первичка в Баян Тухуме. Есть сомонная дорога на аймак и на Ноян Богдо.

Теперь еще раз об аймачном центре. Осмотрев кл. Далан Цзатагай мы с Якимовым решили, что место это достаточно подходящее. Вместе с тем, местная публика заявила, что ни о каком угле она не слышала. Заявление это было настолько единогласно, что я стал в тупик, совершенно не предполагая укрывательства. Вместе с тем заявление секретаря аймпарткома (см. выше) было достаточно определенным. В свое время я упустил из виду записать с его слов названия мест, понадеявшись на местных жителей. Положение было безвыходное и мы должны были проехать дальше, оставив вопрос открытым до получения более определенных сведений об угле, так как вопрос стоял только о топливе. Сегодня (4-го июля) я зашел на партсобрание ячейки Хонгор сомона и сделал внеочередное заявление о выборе места для аймака. Когда я сообщил, что вопрос лишь за углем, посыпались заявления, что уголь есть, нашелся человек, копавший его, сразу назвали место. Это на <...> склоне Цзун Сайхана, недалеко от Охин хутуля в местности Шабаганца шанда.

Вообще перевод аймака в Далан Цзатагай всемерно одобрили и вынесли по этому поводу соответствующее постановление. Завтра с утра я попру туда с проводником.

Рассмотрим еще раз плюсы Далан Цзатагая. Место – хорошее. Вода

14) Старая дорога из собственно Китая в Синьцзян.

хорошая и в достаточном количестве. Топливо – уголь (количество?), примерно в 40 км. Сравнительный центр – на равном расстоянии от западной и восточной границ, чуть ближе к южной, нежели к северной границе. Последнее не вредит, а является по многим причинам скорее плюсом.

Пути сообщения. На Уланбатор два направления: Сайханская (Фыновская) дорога, причем от Баян Цзага поворот по Калган - Хобдоскому тракту и по северной стороне Цзун Сайханской депрессии (можно ехать и южной стороной без дороги) и Шарангутайская (тут следует пробить новый путь до Докшихо по нагорью прямо на Далан). От Докшихо следует проехать западнее Бага Шанхая, по западному мысу Шара хацара и потом по равнине к Хан уле. Для выпрямления необходимо попытаться отыскать путь из Шарангутая через Тугурюгский хоолай, или в объезд его (с <...> стороны), с расчетом попасть между г.Дэль и Бумботуин цзо, обогнуть Докшихинский тойрим с востока и попасть либо на Докшихо, либо прямо на <...> край Бага Шанхая. Это была бы самая лучшая и самая прямая дорога. Вопрос лишь в сравнительно небольшом участке Тугурюг - Докшихо. Эти обе дороги одновременно связывают аймачный центр с <...> углами аймака. Поперек идет Хобдо-Калганский тракт и Цончжиин цзам. На севере – Улясугтайский тракт (на Калган) и диагональю – вариант на Баоту. Через Сайханы два перевала. На юго-восток путь мимо Цзун Сайхана к Цаган голу или прямо на Ульцзэйт Ундур и Сангин Далай. Таким образом, аймак вполне обеспечен авто-сообщением.

Положение его на юге очень важно политически, тем более, что дела тут сильно ухудшились, о чем упомяну ниже.

Помимо всего этого окрестности Далана почти всегда густо населены, так как и в засуху народ частенько собирается на дэрис, бударгану и болотины этого хоолая. Сайханы же служат серьезным конденсатором влаги и дожди в этом районе чаще других. Корма почти всегда приличны.

Наводил справки о золоте в Цзолэне. Гора, (вернее вода), указанная в записке Банзарахчи (Цзабак) имеется и находится на южном склоне Цзолэна, Западнее Цаган Дэриса. Попутно один из старых знакомых (Аотай) сначала намекнул, а потом сказал определенно о золоте в Баян боро нуру, к <...> от бывшего Цзурахай дацана, близ воды Хапцагай, где когда-то произошел случай, аналогичный Цзолэнскому – был найден самородок. Пожалуй, придется осмотреть и это место.

Вопрос, что случилось с нашими? Ни слуху, ни духу. Времени прошло очень много и положение ребят на дороге, а также и Мили в аймаке – пиковое. Мы решили, выяснив вопрос с углем, возвращаться в аймак, а там будет видно. Возможно, что двинем сюда на уртонских верблюдах и на

наемных двинемся дальше.}

Растительность по маршруту Шанхай ула – Баян-Тухум можно разбить на три участка: 1) Шанхай ула – Хан ула, 2) Хан ула – южный выход с перевала Халга и 3) убур бэль Баян цагана. Первый участок – типичная пустынная степь Шанхайского нагорья с участием багалура. На щебнистой поверхности тана, хилагана, багалур. Изредка боро- и улан-бударгана. Состояние этой степи было средним, пожалуй ниже среднего. Второй участок скорее можно назвать обедненной степью, так как покров сравнительно густ, преобладают, пожалуй, злаки, распространена карагана. Тип караганной обедненной степи. Правда местами попадает и багалур. Аги нет. Она выше. Хилагану мне назвали “монгол убус”. Состояние корма было среднее. Примерно в эту же группу (по качеству) можно включить и горную обедненную степь перевала Халга. Третий участок – пустынная степь с багалуром, таной, хилаганой, боро бударганой. Местами кустарники (главным образом по сайрам). Корм во время проезда был плохой. При нас прошли значительные дожди, начиная почти от Ихэ Шанхая, по ара хоолаю Сайханов, в Халге и Сайханах, в Баян-Тухуме, на запад до Ноян Богда включительно, на юге вероятно до границы. Кроме того, по-видимому, значительные дожди прошли после нашего проезда на севере, в районе Дэлгэр Хангая и севернее. По Центральной впадине было хуже: дожди прошли, но небольшие.

По Сайханам при нас дождь лил основательно. В общем насчитывали до 10 дней с хорошими дождями. В Баян-цагане и Тухуме уже меньше. А в общем такого дождливого года не было уже очень давно.

Из Баян Тухума я съездил верхом на месторождение угля, указанное мне населением близ кол. Шабганца-шанда. Колодец этот находится в верхней части бэля С.-З. края Цзун-Сайхана, примерно в 2-х км на восток или на В.-Ю.-В. от ключика Чжиргаланту. Уголь выступает на поверхность в ближайших к колодцу оврагах, находящихся к С.-З. от колодца. Выходы обнаружены по дну оврагов на довольно большом (около 200 м) протяжении. Около него пласты конгломератов, песчаники разной плотности, глины. Падение, видимо, приблизительно на север.

В некоторых местах уголь прикрыт лишь метровым слоем почвы, а затем он уходит под пласты упомянутых пород. Толщина, несомненно, значительная. Проследить удалось всего на 0.5-1 метр. Мелкие сайры оврагов идут по поверхности пласта, размыв его в этих местах не более полуметра.

Верхний слой сильно разрушен, особенно в результате последних дождей, и местами даже потерял темную окраску, приобретя серовато-бурый цвет. По мере углубления он делается все более плотным. Площадь,

занимаемая данным пластом угля, также должна быть безусловна значительной. Углем этим (по-видимому он относится к разряду бурых углей) пользовалось местное население, частью как топливом, частью для кузнечной работы. Расстояние от Далан-цзадагада – км 30-40, дорога все время вниз: серьезных препятствий нет, возможен подъезд на машинах¹⁵⁾.

Второе месторождение находится внутри Цзун Сайхана, в продольной долине у южного склона хребта Йола (северный хребет всей группы) в местности Йолаин Энгэрин боуца. Этого месторождения я не видел. Качество должно быть приличным, так как им пользовались, по слухам, китайцы.

Третье месторождение указано Миле секретарем аймпарткама Дамбой (он же указывал и на Шабганца шанда). Оно находится в Думда Сайхане в местности Думда-Улцзар. Кроме того араты упоминали о месторождении на северном склоне г. Буур.

В Баян Тухуме я получил сведения о горючем сланце. Месторождение находится к востоку от горки Хурмэин, что на юге от Цаган гола (к югу от восточной части Цзун Сайхана), км в 15 от нее, и к востоку же от воды Хашан Цаган дэрэс, в оврагах местности Хабхастуин адаг. По рассказам хорошо горит с поверхности (зажигают дети).

Хорошие же качества (с поверхности пользуются как топливом) аинчин приписывают и сланцу, находящемуся в районе г. Аргалинту, что к западу от Шанхай улы.

Арат из Сайхан Обо сумуна (почти крайний С.-З. сумун Южно-Гобийского аймага) говорил о наличии угля в береговых обрывах Онгиин гола, выше Хошу хида, примерно около следующего кверху монастыря. Кроме того этот же арат указывал на яму, из которой добывают соль. Называется она Цаган-бируту дабусу, находится в том же Сайхан Обо сумуне.

В Баян Тухуме мы пробыли недолго. Приехали 3-го июля, 4-го пробыли там, 5-го я выехал ургой к Охин Хутулю на уголь. Проездив 4 дня и вернулся поздним вечером 8-го числа. Машина уже уехала. 9-го, около полудня, я выехал уртонными лошадьми на аймаг и 11-го примерно в это же время был в аймаге.

Поездка из Баян-Тухума на Охин-Хутуль

Эта поездка была предпринята для осмотра описанного выше

15) Этот уголь был осмотрен в том же 1931 году геологом Лебедевой З.А., а затем им пользовалась геолого-разведочная экспедиция при МТП МНР.

месторождения каменного угля в местности Шабганца-шанда. Я выехал 5-го июля около полудня на сумунных лошадях. Проехали от Тухума наискось по бэлю к восточной оконечности Баян Цагана, где въехали в горы, мелкие, но сильно расчлененные. Неожиданностью для меня было наличие в этих горах небольшого монастыря Ламаин хуриэ, который таким образом является 12-м в бывшем хошуне Гурбан Сайхан. Монастырь этот спрятан в холмах в довольно уютном местечке, имеет 2 больших дугуна и 1 малый. Лам свыше 100, раньше было больше. От дунганского нашествия монастырь не страдал и насчитывает со дня основания около 90 лет. Вода – хороший колодец. Не знал я о нем до этих пор потому, что зная число монастырей Гурбан Сайхана (11) я считал в их числе и Цаган улаин сумэ, который собственно является чужим, уратским.

От монастыря мы свернули к самому выезду из гор между Баян-цаганом и Думда-Сайханом (“ворота”), миновали не доезжая Халгинского убура сайра кол. Шара-хада и поднялись по сайру к ключику Сучжи. Оттуда поехали горами по убуру Думда Сайхана, у подножья главной цепи, имея справа, к югу, предгорья.

На всем протяжении до Охин хутуля мы миновали следующие колодцы: Барун-дэлгэрху (кол.), Цзун дэлгэрху (кол.), Улан-дэль (кол.), Субурга (кол.), Цзадагай шанда (кол.), Ширэг-Туру (кол.), Сарул булаг (кл.), Улан-Тологой (кол.?), Барун хадату (кл.), Хадату (кл.), Барун-Бильгэхи (кл.), Цзун-Бильгэхи (кл.), Олон-сала (кл.), Мухур-Эрги (кл.). Далее через Охин Хутуль: Ара хучжир (кл.), Арслан (кол.), Гун-худук (кол.), Улан Тологойн шанда (кол.), Шарга мориту (кол.), Чжиргаланту (кл.), Шабганца шанда (кол.). Итого на этом расстоянии (беря от Сучжи до Северного выхода с Охин хутуля) 23 водных источника почти по одной линии, да наверняка 2-3 еще пропущено. Из них 11 ключей. В среднем на один источник падает всего километр маршрута. Весьма вероятно, наверняка даже, что часть ключей в засушливые годы исчезает, тем не менее в гобийских условиях этот район весьма богат водой.

Оставшиеся к югу от пути предгорья, будучи сначала мелкими, в районе Дэлгэрху превратились в настоящие горы, небольшие правда, со своей отдельной вершинкой Далангиин обо.

За кл. Цзадагай шанда (т.е. к востоку от него) предгорья эти неожиданно оборвались и заменились высоким и довольно крутым бэлем, прорезанным глубокими крутобоками оврагами сайров. Поперек этих оврагов и идет верховая тропа, вьющаяся под самыми склонами гор. Устья ущелий в этом месте узки, крутобоки и дики. Особенно дикими казались они мне благодаря дождю и туману, из-за которых я почти не вылезал все четыре дня поездки. Хлестал холодный дождь и из пастей

ущелий выползали, цепляясь за скалы, клочья серых облаков.

Охин-хутуль – такая же высокая и широкая седловина, как и Халга, немного поуже. Кроме более или менее горизонтальных пластов здесь есть и выходы основных пород в виде небольших гор. Дорога через него (главная) идет все время по руслу, как северному, так и южному.

Любопытно название одного места (кажется колодец у Охин хутуля – Лу-Ясту). Окрестности – овраги в красноватых толщах отложений, где вполне возможна находка ископаемых костей. Местная публика скрывает и название, и место.

С некоторых мест убура Думда-Сайхана я делал ряд засечек, любуясь вместе с тем широкими горизонтами, открывающимися с этих высот. Таким местом была, например, горка у кол. Ширэг туру. С нее хорошо видны: Цзун-Сайхан, оба Аргалинту, Байшинту, Хонгор-обо, Цзурумтай, Дэнг, Цзолэн, вершины Ноян-Богда, Баян-цаган. Между западным концом Цзурумтая и восточным Дэнга ясно виден узкий, четкий проход, напоминающий ворота (Боро хацабчи, см. П.К.Козлова, Камская экспедиция).

Травы везде были очень хороши. По главному хребту Думда-Сайхана все время виднеется арца, которой население усердно пользуется, как топливом. Каких-либо резких особенностей отметить не пришлось. Отмечу, что вверху (Охин Хутуль) исчезает тана, превалируют злаки (йерхук), аги, которой мало внизу. Вообще покров в среднем и верхнем поясе уже горностепной, хангайский.

Из фауны единственное, что мы встретили – крупную светло-желтую лисицу, недалеко от Сучжи. Спутник (Лубсан-дагба) говорил, что видел и стрелял в районе нашей дороги янгеров и аргали.

По дороге познакомился со стариком-охотником, одним из лучших в хошуне. Он подтвердил, что в этом районе (особенно Ноян-Богдо, Тосоту, Баян-Цаган) появляются иногда красные волки. Различия между барсами по его мнению индивидуальны, хоть и носят у монголов специальные названия (хара-цохор, шара-цохор и т.д.).

Населения по линии маршрута было немало. Особенно много скопилось его в районе Охин-Хутуля. Я насчитал (с Сучжи до Шабаганца шанда) не менее 50 юрт. Словом, и по густоте населения район почти хангайский. Обильные дожди уже надоели населению и входящий в юрту начал уже задавать вопрос: “борон ду цутрбу?” (*монг. – устали ли от дождя? – прим. сост.*). В юртах сырость, грязь, снаружи грязь с навозом, растоптанная скотом. Все мокры. С топливом плохо. Было ясно видно, что обычный уклад жизни монгола создавался в сухом климате и к дождям сайханцы свершенно не приспособлены.

Спрашивал своего спутника Лубсан-дагбу о кормах.

- Овцы** Весна: аги, шабун хуль, хара шабаг.
Лето: очень охотно едят цветы (напр., харагана), вообще же не брезгают почти ничем.
Осень: зеленое - тана, кустарники по сайрам.
Зима: дэрэс.
Для гучжира определенного времени нет.
- Козы** Более или менее одинаково с овцами. Весной также идут на аги. Большие любители кустов.
- Верблюды** Жиреют лучше всего от багалура. Тана, шара- боро- и улан бударгана, хумуль.
Зимой харагана.
- Кр. рог. скот** Длинная трава, главным образом дэрэс.
- Лошади** Аги, хилагана, йерхук, хяг, улэн (*Carex*). Все едят плохо.

Между прочим во время нашего проезда (начало июля) только что начали привязывать жеребят – доить кобыл.

Обратный путь я ехал по тем же самым аилам вплоть до Ламаин хуриэ. Возвращение ничего нового не дало. Около Далангиин обо у подножья горы мы заметили группу празднично разодетых людей, преимущественно лам, человек 8, собравшихся чествовать обо.

От Ламаин хуриэ мы поехали горами – восточной оконечностью Баян Цагана, до того ущелья, где мы стояли с автомобилем в 1929 г. Горы здесь в значительной мере расчленены, невысоки и доступны для верховой езды почти во всех направлениях. Отдельные большие по высоте массивы видны лишь к северу от монастыря и находящегося неподалеку от него к западу колодца Цзараг.

Выехав из ущелья на бэль, мы свернули уже в виду Баян-Тухума еще к западу, миновали колодец, и остановились в аиле у следующего колодца, тоже под горами. Оттуда, уже в темноте, свернули вниз, к Баян Тухуму, по самой высокой и очень каменистой части бэля.

Машина, оказывается, уже ушла, дожидаясь меня до 14 часов (я приехал в 22 часа). Выспавшись, наутро я заказал уртонного верблюда и поехал по сумунной дороге в аймаг. Дорога эта была уже знакомой до Ламаин хуриэ. Далее началось новое меридианальное пересечение Сайханы - Дэлгэр Хангай, идущее параллельно автодороге, неподалеку от нее.

Вскоре за монастырем, взяв направление на вершину хр. Халга, мы миновали упомянутые выше массивы и выехали на высокую равнину, покатую к Халгинскому южному выходу, отделяющую в этом месте Баянцаган и Баян боро нуру от Халги и Барун Сайхана. Равнина эта уходит на запад, повышаясь и выклинивается, если не изменяет память, около кол.

Хуху-Тологой. Помнится, что там снова понижение и есть прорыв через горы к северу. На равнине этой растет главным образом тана. Дорога ровная, отличная. Ближе к хр. Халга начались увалы-мысы, протянувшиеся от Халги к главному южному сайру седловины. Здесь стоял сумун Хуху худуг. Взяв там лошадей, мы поехали прямо через Халгу, немного восточнее вершины. Поднялись мысами к хребту, взяли его крутой тропкой и спустились вниз крутейшим мало изрезанным ущельем. Гребень Халги весьма узок и действительно заслуживает термина “гребень”. По ущелью обилие арцы и еще целого ряда кустарников. Устье ущелья вывело нас на слабо разрезанный оврагами бэль, ниже которого виднеются горки восточного мыса Барун Сайхана. Мы направились на самый восточный край их и уже в темноте подъехали к уртону сумуна Норбо, управление которого находилось тут же (кол. Дарбагай). Зайдя в сумун, я поехал далее ночью, снова на лошади. Проводником был почтенный старичок-бедняк, ничего не видевший. Луна должна была взойти перед рассветом и было совсем темно. Перегон около 35 км мы ехали почти всю ночь. Гладкая равнина, покатая к северу. Ночью никаких знаков. Вести пришлось мне, расспросив предварительно дорогу по звездам. Направление было чуть восточнее Полярной [звезды]. Наконец взошла луна. Показались глинистые яры. Проехав 3-4 км руслом, по которому показались бугристые донные пески с нитрарией, мы решили переждать до света – оставалось не более часа. Уртон должен быть неподалеку. Он действительно был не далее, чем в километре. Следовательно в направлении мы ошиблись очень немного. Уртон этот – Дала хашату. С кормами было очень плохо. Дожди в этой впадине почти не шли. Кругом глинистые овраги, русла и отсутствие растительности. Отдохнув с час, я поехал дальше уже на верблюде. Волнистая местность, быстро ставшая песчаной, с крупным кустарником, привела нас к первой цепи холмов Хана, полужасыпанных здесь песком. Вблизи остался колодец Гойоту. Песок, жара, кое-какой кустарник. Миновав первую гряду холмов сайром-прорывом, мы выбрались немного выше и по волнистой же степи, песчаной по почве, с караганой, оставив к востоку небольшую пологую горку, мы спустились снова ниже и остановились на уртоне Долон у подножья главной цепи холмов-горок Ханан. Там снова взял коня. В этом месте цепь Ханан довольно широка – несколько километров. С запада подходят известняки. Пересекли и эту цепь, затем небольшую долинку и последние холмы. Затем началась слабоволнистая пустыня, с постепенным подъемом к северу. Растительность типично пустынная – бударганы, иногда цзаг. Стояла жара, был самый полдень и пекло сильно. Пересекли глиняное русло с саксаулом, имеющее сток на запад, вдоль северного подножья Ханана, к Улан нуру. Головной

участок этого русла находится где-то близ Баянгийн хоолая. Местами стояли лужи воды – накануне прошел хороший дождь. Было странно видеть воду среди цзага и покрытых точками мелких кустарников бугров. Перегон этот оказался весьма большим. Немного не доезжая до уртона мы пересекли большую дорогу, идущую с С.-З. на Ю.-В. Это та самая дорога, по которой частью идет сайханская автомобильная дорога между Онгиин голом и песками Баян Тэг, и на которую выходит около Баяна автодорога Шарангад - Шанхай. Еще далеко не доезжая ее, с одной из грядок, более высокой, я взял несколько засечек. Оттуда были видны Арца Богда, Бугу-хайрхан, Сайханская цепь, Дэлгэр Хангай. На востоке неподалеку виднелись горки близ Баяна: Баян боро и др. На уртоне мы выпили огромное количество чаю и мне пришлось повязать голову мокрым полотенцем, так как она заболела от жары и духоты. Затем мне оседлали атана огромного роста (еле доставали рукой до макушки горба) и я снова тронулся на север. Колодец уртона находится в сайре-прорыве между двумя пологими грядами. По сайру и выше бугристые пески с нитрарией и саксаулом. Корма были очень плохие.

Когда мы выбрались на покатую к югу равнину и миновали пески, я пустил верблюда полной рысью и мы приехали на следующий уртон, как только стемнело. Вся дорога – заметный подъем, по гладкой, чуть волнистой равнине. Типичная пустыня депрессии переходит здесь в травянистую полупустыню, правда, очень бедную. Уртон стоял у подножья двух небольших кряжей, разорванных руслом.

Утром 11-го июля я поехал дальше. Проехав прорыв, мы, все время поднимаясь, поехали вновь по волнистой полупустыне, здесь уже с приличным кормом. Сделав хороший перегон, доехали до уртона, последнего перед Дэлгэр Хангаем. Расположен он был в долинке под бэлем гор Дэлгэр Хангай, против высокой их части. Последний перегон был невелик. Мы обогнули высокую часть гор с востока, перевалили их небольшим перевалом и выехали невдалеке от аймага¹⁶⁾. Растительность внутри гор полупустынная и сами горы не очень скалисты. Есть пологие травянистые долинки. Аймаг уже издали производил праздничное впечатление – был как раз первый день праздника десятилетия МНР. Везде носились всадники, виднелись богатые майханы и т.д.

Заехал я, лихо подскакав, в юрту “гуна доктора”, где и узнал, что и Коликов и Якимов здесь. Остаток дня пробродил по празднику. Видел скачки, борьбу и т.д. Имел разговор с Уполномоченным Правительства

16) Участок Гурбан Сайхан - Дэлгэр-Хангай пересечен В.А.Казакевичем (см. его работу “Центральная Гоби и Золотой караул”).

Самданом относительно юга. Подробно высказал ему свою точку зрения на положение там. Вечером был спектакль, на котором я также потолкался.

13-го под дождем неожиданно приехала в полном порядке моя машина. Шофер А.Вагапов дважды ездил в Уланбатор и в последний раз привез целую коробку скоростей. Но, ставя ее на место, он ухитрился засадить себе в глаз железную стружку и на общем совете было решено отправить его снова в Уланбатор. Лагерь свой мы раскинули в стороне от аймака, неподалеку от колодца, под гранитными холмами.

Вместе с Вагаповым ехать в Уланбатор для связи решил и я. 14-го не очень рано мы выехали по хорошо, знакомой дороге на север. В мон. Сангин далай заезжали на цам – костюмы были очень хороши. Там пили чай с борцоками в одной из чжяс, где благодушно настроенный гелюн, порядочно пьяный, поил и кормил разнаряженную толпу богомольцев. Затем двинулись дальше, миновали Хадан усу, в одном месте сидели часа два-три в грязи – накануне прошел сильный ливень. Перед Адацагской равниной стемнело и мы уже с фарами, почти пересекши ее, заночевали в аиле на дороге. Утром довольно рано мы выехали дальше и около 10 часов утра 15/VII приехали на Уланбаторскую ярмарку, к нашей комитетской юрте. По всей дороге от Дэлгэр Хангая шли до нас хорошие дожди и корма были великолепны. В Уланбаторе начался съезд экспедиций и на очереди было много вопросов. Я пробыл в городе до 28/VII.

В результате нашей работы по выбору места для аймачного центра я сделал доклад на монгольском языке смешанной комиссии, составленной из представителей ЭКОСО, Монголтранса, ЦК Ревсомола, ЦК Партии и Малого хурала. После небольшого обсуждения было вынесено следующее заключение.

1) Признать Далан Цзадагай местом вполне для аймачного центра подходящим и утвердить его.

2) Признать необходимым передачу некоторых северных сомонов Центральному аймагу. Проведение новой границы поручить комиссии из представителей обоих заинтересованных аймагов.

3) Считать необходимым перемещение Соланхэрского тракта к западу, сделав его путем сообщения Южно-Гобийского аймачного центра с Уланбатором. Поручить Монголтрансу сделать необходимые изыскания в этом направлении.

4) Райконтору МНЦК №12 перевести в новый аймцентр. Во избежание обратных перевозок организовать близ северной границы аймага (например, в Цахире) товарную подсобную базу.

{Монголтранс взялся за порученное ему дело весьма быстро, во

всяком случае, когда я 29-го числа июля месяца приехал в Дэлгэр Хангай, то там уже сидел уполномоченный Монголтранса, правда, с поломанной машиной. Мой приезд был весьма кстати и мы в подробности разобрали с ним возможные варианты дорог, причем я просил его просмотреть предположенный мной вариант из Шарангутая мимо Тугурига, к западу от гор Дэль, мимо Докшихо, по западному краю Бага Шанхая и Шара Хацара на равнину к югу от последнего и далее мимо Хан улы на Далан цзадагай. Это – самый прямой путь из Улан-Батора в Далан Цзадагай. Вопрос лишь в небольшом участке от Дэби Добу до окрестностей Догшихо. Именно на этот участок я и направлял уполномоченного Монголтранса.}

1/VIII я провел небольшую экскурсию с целью инструктировать М.А.Симукову по сбору укосных площадок.

На экскурсии мною отмечено следующее: пространство с севера от Баян-Тухума до начала собственно Баян-цаганского бэля, имеет в смысле растительности весьма малотипичный характер и кормовой ценности собой не представляет. Багалура, таны, боролзая нет. Растет всякая мелочь, больше всего мелкого шивэ. Изредка встречается хилагана. Местами почти чистые поросли средней величины полыни. Причина заключается на мой взгляд в том, что этот участок, находясь прямо против наиболее высокой части Баян-цагана, представляет собой сплошь размытые, каменистые концы сайров бэля и потому не подходит для типичных кормовых видов. Там, где этот характер несколько меняется, сразу появляется багалур. Последующая экскурсия в Баян цаган показала тот же характер и для бэля, где по руслам прибавляется ряд кустарников (буйляс, карагана и др.). В этом отношении бэль Баян цагана, вообще очень высокий и крутой, сильно разнится от обычных бэлей окрестных хребтов - Сайханов и других - где в большинстве распространена типичная равнинная растительность травянистой полупустыни: тана, хилагана, багалур и др.

М.А.Симуковой я оставил следующую инструкцию по сбору кормовых площадок:

Задание I Выяснить кормовую производительность гобийских пастбищ при разных условиях.

Решение Берутся площадки стандартного размера (4 м² на редкой растительности и 1 м² на густой) на всех основных типах гобийских пастбищ при разных осадках.

Замечания

1. 1931 год в районе Гурбан Сайхана является исключительно благоприятным в смысле осадков, распределенных при этом довольно равномерно по всей территории хошуна. Поэтому оценка отдельных

площадей в смысле их состояния является излишней, что значительно облегчает работу.

2. Основных типов гобийских пастбищ немного и каждый тип варьирует довольно слабо. Это обстоятельство позволяет:
 - 1) быстро освоиться и легко разбираться в них,
 - 2) производить сбор площадок почти в любом месте, отмечая лишь общий характер места и упоминая наименование типа,
 - 3) легко картировать основные типы с последующим вычислением валовой производительности больших площадей по маршруту или просто на основании общего географического ландшафта местности.
3. Вместе с тем необходимость вычисления валовой производительности больших площадей требует для большей точности результата сбора возможно большего числа площадок на возможно большей площади для получения наиболее близкого к истине среднего.
4. Основные типы растительных ассоциаций (пастбищ).
 - 1) Растительность тойримов (главным образом шарабударгана).
 - 2) Растительность бугристых песков (главным образом по окраинам тойримов). Основное растение – нитрария.
 - 3) Растительность ключевых урочищ.
 - 4) Растительность песчаных почв (закрепленных ровных песков) – цаган-соль и др.
 - 5) Травянистая полупустыня (щебнистая или гравийная поверхность). Тана, багалур, хилагана, хацзар. Отмечать уклоны: луковая полупустыня (тана), багалуровая и т.д. в зависимости от преобладания основных видов.
 - 6) Мелкокустарниковая пустыня – боро бударгана, улан бударгана.
 - 7) Крупнокустарниковая пустыня – нохой ширин. *Примечание:* Наличие редкого тэсха, караганы и буйяса не служит основанием к определению типа, как крупнокустарниковой пустыни.
 - 8) Горные пастбища, не относящиеся к вышеописанным.

Задание II Выяснить содержание влаги в основных видах гобийских кормов. Решение этой задачи весьма просто и сводится к взвешиванию в сыром и сухом виде (результаты этого исследования вошли в мою работу “Пастбища гобийской окраины МНР”).

Перед отъездом на запад мы всей экспедицией совершили экскурсию

в Баян-цаган, верхами. Багаж шел на верблюде. Остановились у южного подножья на ключике Наран. Все бегали по горам, но никто ничего не убил, хотя каждый видел козлов. Я ездил верхом с М.Симуковой вверх по ущелью Хурэн-Хабцагай и видел всего одного козла. Оставив лошадей, лазали по скалам. Слышали хойлыков, но козлов больше я не видел. Вернулись в лагерь в темноте.

Западный разъезд

Перед отъездом я задал М.Симуковой ряд разъездов по радиусам от Баян-Тухума: 1) к Цзолэну, 2) на запад по хоолаю, 3) в Баян-цаган, 4) в восточную часть Баян-цагана, 5) к Баян-далаю, и 6) к седловине Хонгор-обо-Цзолэн. По всем направлениям следовало взять линии укосных площадок.

Мы тронулись на запад 6/VIII сначала по Цончжиин-цзам. Дорога идет краем дэрэсуна, часто захватывая его. Поэтому местами пришлось делать небольшие объезды. Прилежащая часть бэля все время в достаточной степени камениста. Самый Баян-Тухум тянется от нашей стоянки еще на <...> км к западу, где постепенно выклинивается.

Здесь начинается заметный подъем по луковой (тана) полупустыне к западной оконечности Баян-цагана. Самая долина также подымается, дорога идет кроме того по большому конусу выноса к самым горам. Подъем не из легких, тем более что размытая дорога идет частью вверх по сайрам. В начале подъема горы справа очень круты, идут сплошной стеной и не дают ущелий. Вместо последних видны крутейшие, почти отвесные стены. В долине неширокой полоской начинаются барханы. Полупустыня была в цвету. Белела тана, внизу было много желтизны от цветущего хучжи-убус.

Наверху оборвался Баян-цаган. Горы отступили на несколько км к северу. Самый хребет Баян-боро-нуру оказался загороженным с юга грядой Цахир, сложенной осадочными породами, слои которых были ясно видны на расстоянии в несколько км. Гряда эта обрывается к югу, а к северу вероятно пологая. Здесь на бэль выбегает большой сайр. Невдалеке к западу от него, севернее и выше дороги, очень близко от последней, находится ключ Хабтарга. Сейчас же за ним с севера наступают низкие холмы. Дорога огибает их снизу, с юга. Пески делаются все значительнее и здесь составляют уже большую сплошную гряду. Напротив, в Цзолэне выделяется устье большого ущелья, идущего на юго-запад. Это Бургуту-хундэй Казнакова. Здесь мы пересекли маршруты его и П.К. Козлова (Камская экспедиция).

С этого ключа еще видна вершина Ихэ-Аргалинту. Пески впереди все

растут. Виден округлый холм, довольно резко выделяющийся, причем трудно сказать состоит ли он только из песка или основа его иная. К югу от этого холма пески вплотную прилегают к Цзолэну. По-видимому, это место служит для южной стороны песков перегибом, откуда начинается снижение на запад.

Холмы к северу от дороги, на отроги которых мы поднялись, скоро кончились. Снова показались лишенные всяких предгорий Баян-боронуру, расстояние между которыми и грядой песков около 10 км. Пространство это занято каменистой равниной, слабо волнистой, постепенно покатой на запад. Ее нижний участок, ближе к пескам, местами песчанист. Пески здесь поднимаются уже высокой сплошной грядой. Дорога скверная: то песчаниста или глиниста и размыта, то идет по камням, с руслами и овражками. Кое-где отмечена небольшими обо.

Растительность - по песчаным местам цаган соль, по прочим - лук. Част хумуль, много злаков. Таким образом эту степь можно отнести к высокой полупустыне, приближающейся к обедненной степи. Вдали были видны стада цзэрэнов. На самой же дороге нам попался лишь один самец хара сульты. Спускаясь все ниже и ниже, мы миновали видный из-за песков Бага-Номоган, затем на севере [горы] оборвались и перешли в плоскую и довольно высокую седловину горы Баян-боронуру. На смену Бага-Номогану вырос Ихэ-Номоган и против него в песках обозначилось резкое снижение, через которое проходит дорога с Эцзин-гола в Уланбатор (мой пересечения 1926 и 1927 г.г.). Затем стала видна высокая седловина Номоган - Сэбэрэй и сами горы Сэбэрэй. Стемнело. Пески выросли в настоящие песчаные горы с острыми верхушками и ребристыми боками. Растительности на них - почти никакой.

Между дорогой и песками начались поросшие нитрарией и бударганой бугры, появился саксаул. Это знак, что началось ключевое урочище Хонгорин гол, краем которого и идет дорога. Проехав в темноте до западного конца урочища, мы заметили две юрты, к которым и подъехали. Зимуют эти юрты обычно на северном склоне обоих Номоганов. В прошлом 1930-м году была сильная засуха и эти хозяйства спасались в Арца Богда, где корма были хороши. Часть там и зимовала. 1929 год был в отношении кормов довольно сносным. Нам жаловались на обилие мелких гусениц, уничтожавших корм, и в частности, сульхир. Багалура они также не щадят. Уместно вспомнить, что проезжая Халгу из Баян Тухума в Дэлгэр Хангай я поразился обилию мелких белых (вернее сероватых) бабочек ночного типа. На обратном пути я обратил внимание на то, что на том же перевале буквально на каждом растении сидела гусеница. Здесь они едят корма не сплошь, а полосами. Последние дни

количество их уменьшилось, зато бабочек стало снова намного больше.

7/VIII с утра мы обменяли наш бочонок с вылетевшим по дороге дном и с приплатой взяли новый, маленький. С этим запасом воды и тронулись дальше. Как оказалось впоследствии, запас был очень мал. Прямо на север от аила возвышалась плоская гряда Эриэн, которой и заканчивается линия Баян-боро-нуру.

Роль обоих Номоганов для меня стала более или менее ясна. Это высокие массивы на С.-З. склоне Цзолэна, влитые в него, причем Ихэ Номоган составляет крайний С.-З. угол последнего.

В аиле нас предупредили, что пробраться далее по дороге невозможно, ибо ее преграждают широкие пески. В свое время автомобили Чойбалсана свернули через седловину между Баян-боро-нуру и Эриэн на северо-запад и выбрались на вариант Хобдо - Калганского тракта. Я расспросил примерно об объезде и мы тронулись дальше. Очень скоро за аилом (около 5 км) возвышенность Эриэн сошла на нет и перед нами открылась обширная Гоби, залегающая между Сэбэрэй и Гильбэнтусу с одной стороны и Арца Богда и Бага Богда - с другой. Почва стала сильно песчаной. Появился крупный кустарник, покрывающий всю видимую часть равнины. Около дороги отмечены большие кусты караганы Бунге, торлага, мелкий сульхир и цаган-соль. Первым испытанием был переезд через глубокий овраг с сильно песчаным спуском. Проскочили удачно, но тем самым отрезали себе путь назад. Овраг этот отмечен на западной стороне выходом красного песчаника. Далее дорога продолжает идти недалеко от подножья все еще очень высоких песчаных гор Хонгорин Элэсу. С одного из высоких пунктов я сделал ряд засечек. Вид на север открывается очень широкий. Беда была в тумане из-за которого я с грехом пополам мог разобрать лишь мелкие гряды в северной части пустыни, а подробностей северной цепи Гобийского Алтая рассмотреть не мог. Общее впечатление – южная часть этой Гоби равнина, северная вся испещрена мелкими и средними грядами и грядками, часть которых мне была знакома еще с 1926 г. (например, Тубши). Все эти грядки вытянуты, в общем, широтном направлении. О западном крае этой равнины скажу несколько ниже. Часть этих гряд и отдельных горок вулканического происхождения (те же Тубши, горки к западу от глаголевского маршрута), недалеко от ур. Хабцабчи и еще некоторые характерные отдельные холмики, вроде Хатон судя к югу от Бага Богда. Наиболее глубокая на глаз часть этой Гоби находится где-то близ самых южных грядок. Оттуда во все стороны идет, как будто, повышение. Разобраться же окончательно в этой путанице гряд

на большом расстоянии, да еще в туман – далеко труднее¹⁷⁾.

В нескольких км от точки, где я делал засечки, мы подъехали к стоящему на краю террасы большому обо из цзага. Оно было знаком, что дальше ехать нельзя. Гряда Хонгорин Элэсу снизилась и расплылась в низкие, поросшие саксаулом волны и гряды, заполнившие низину у нас под ногами и уходившие верст на 10, если не больше, на запад. Край террасы, высокий и обрывистый, уходил на север, туда же тянулись и пески. На Ю.-З. виднелся свободный от них бэль и подбельная полоса Гильбента, за песками были видны красные останцы песчаника, за которыми на С.-З. от места наблюдения возвышалась пологая расплывчатая холмистая возвышенность Чоноин шорголга, заканчивающаяся на юге приметной известковой горкой. Соваться в эти пески не имело смысла и мы повернули на север. Жара стояла основательная (35°C в тени по крайней мере) и радиатор кипел поминутно. На север идет довольно заметный спуск кустарниковой равниной. Из кустов отмечены, что-то вроде шара модо, хуйрик (*Potania mongolica*), кустарниковый *Convolvulus Gortschakovii*; много ревеня.

Мы ехали близко к краю террасы и не один раз бегали на разведку смотреть нельзя ли пересечь пески. Вся терраса (т.е. вероятно вся эта покатая к северу пустыня) сложена, судя по обнажениям в разных местах, красным песчаником. Почва местами песчано-гравийная с галькой, местами песчаная. В последнем случае кусты становятся крупнее и кое-где появляется саксаул. Во впадине валы песка с саксаулом, торчат отдельные останцы, плоские, с крутыми боками. Наконец ехать стало трудно – из-за песка, наступил полдень и мы решили сделать детальную разведку дороги. Последнюю нашел я, отыскав среди гряд песка с саксаулом узкий галечный проход, лишь в одном месте слегка передутый. В поисках этого прохода пробегал пешком верст 20. Внизу, в саксауле, мертво. Видел немного песчанок, пару ящериц - все. Кое-где близка вода. Наткнулся на обвалившийся колодец, где оставалась вода, на глубине 1,5 метров. К северу от найденного прохода впадина эта почти перегорожена двумя останцами, полужасыпанными песками. Далее к северу виднеется тойрим, уходящий к прорыву между первыми грядами северной части этой гоби. В прорыве видны снова высокие барханы. К западу от Тубши и к югу от ее продолжения на запад залегает впадина с покрытыми растительностью буграми, яркой зеленью и саксаулом. К ней и спускается довольно полого терраса от Хонгор Элэсу. Вероятно есть вода. На окраине этой впадины я усмотрел в бинокль шесть хуланов, первых в этом году. Обогнув с

17) Хорошо разобрался я в этом районе в 1932 году.

востока и севера небольшой бархан, выросший на берегу террасы, мы спустились крутым спуском во впадину и удачно ее пересекли. На спуске чуть было не перевернулись. На той стороне начались безжизненные прикрытые галькой песчаниковые или глинистые обрывы и террасы. Тальвег впадины мы пересекли в самом узком месте – прорыве между этими террасами и упомянутыми выше останцами, перегородившими долину. Растительность пошла очень бедная - чахлая, редкая боро бударгана. Настали сумерки. Вспугнули небольшое стадо хуланов – кобыл с жеребятами. Поднимаясь все выше мы стали снова сдавать к югу, выбираясь на старую дорогу. Пересекши несколько больших троп, направлявшихся на С.-З., затем напали на большую дорогу и по ней свернули на запад, в каменные холмы Чоноин шорголга. Стало совсем темно и проехав еще немного с зажженными фарами, мы стали на ночлег. Вода нам в этот день не попадалась. Поэтому мы были экономны: выпили один чайник днем и один перед сном.

Ночь была пасмурная и очень темная. Я пошел за дровами, потом решил поискать колодец, а на обратном пути заблудился, чего со мной давно не бывало. Пришлось кричать и идти на выстрел. Заблудиться было тем более легко, что местность в этом отношении плохая – мелкие каменные холмы и такие же мелкие русла.

Утром 8/VIII мы поднялись очень рано и поехали далее по дороге. Очень скоро (с километр) от стоянки открылась долина с тойримом и цзагом, уходящая на север. Дорога пересекла ее и направилась далее в горы. Пробраться по ним оказалось невозможным, да и направление было не очень подходящее – на Лэгин гол. Поэтому мы свернули на юг и сначала долиной, а затем холмами стали выбираться на Цончжин цзам. Утром чаю не пили, воду берегли для радиатора. Очень скоро стало жарко и радиатор стал упорно кипеть.

Немного не доезжая известковой горки, южного мыса группы Шорголга, мы напали на дорогу и снова свернули по ней на запад. Дорога здесь заметна плохая, после китайцев по ней совсем не ходили. Пошел подъем вверх. Дорога плотная, вполне хорошая. За перевалом пошел длинный спуск в глубокую долину. На западной ее стороне виднелся красный останец, Барун шире, к которому и пошла дорога. Внизу саксаул, расширяющийся в широкой котловине к северу. Котловина уходит далее на север и, видимо, отделяет холмистую группу, которую мы обогнули с Ю.-В. от основной гряды Баянгин нуру. К югу от дороги идут большие овраги с саксаулом, разделенные останцами-террасами¹⁸⁾. Жара стояла

18) Это место было снова посещено в 1935 г. (см. очерк о Ширэгин гашунской

нестерпимая и мы останавливались каждый километр, а иногда и чаще. За красными останцами Барун шире дорога раздвоилась, расплылась. Мы поехали северной тропкой вдоль саксаула, оставшегося к югу. Жара достигла максимума. Воды оставалось очень немного и мы берегли ее для радиатора. Сами мы не пили с предыдущего вечера. В горле все пересохло. В голове мутилось, плавали красные круги. Все ехали молча, на остановках ложились и не знали куда деваться от жары и жажды. Температура в тени достигала до 37°C, а может быть и выше. Переехали русло с цагом, поднялись на террасу. Стала видна почти в подробностях гряда Баянцаган, маячившая впереди еще с перевальчика. Я прошел километра три пешком и чувствовал себя прескверно. Остальным было, как видно, не лучше. Лица были серьезные, осунулись. Воды оставалось несколько чашек, радиатор поминутно кипел, а до гор оставалось еще много. Настроение у всех было тяжелое. Вспомнили про имеющуюся у нас бутылку кагора и решили ее оставить на случай, если придется идти к воде пешком. Так километр за километром мы поднимались к спасительным горам, где я надеялся найти знакомый по 1927 году колодец Цзун Толи. Наконец, когда состояние духа и тела стало совсем скверным и в мозгу начали проскальзывать мрачные мысли о возможных исходах положения, хлынул довольно сильный дождь. Сразу посвежело. Все мы старались намочнуть, лизали воду, стекавшую по стеклу, крыше, брезенту. Собирали воду, собиравшуюся в брезенте и делили по глотку. Сразу стало веселее, легче пошла по холодку машина и чувствовалось, что теперь-то до воды доберемся, хоть и пешком. Вместе с тем в радиатор была влита последняя капля, а затем пришлось идти на крайнюю меру – влить туда бензина. Временами, давая мотору остывать, мы километр за километром подвигались к горам. Я начал постепенно узнавать место и мысленно намечал точку, где должен быть колодец. Вдруг, совершенно неожиданно, на гладком без растительности месте по малозаметной тропе оказалась скопившаяся на глинистой почве лужица воды. Все с радостным криком бросились к ней и стали пить, пить, пить...

Здесь, видимо, прошел сильный ливень. Из этой лужицы нам удалось, осторожно выкопав ямку, собрать полный бочонок воды. Уже уверенные в благополучной ночевке мы двинулись дальше. С километр далее дорогу преградило размытое русло, нашлась большая лужа и мы решили ночевать. Сварили чай и уснули как мертвые, не раздеваясь.

Следующий день, 9/VIII, Вагапов проверял машину. Все оказалось в исправности, за исключением стартера, отказавшегося работать. Мы с

впадине).

Якимовым пошли разными путями на С.-З. искать колодец. Сошлись у него и разными же путями вернулись. Под вечер Климов ходил на юг и километрах в 3-х наткнулся на 3 колодца в саксауле (Гун сухой). Пока он ходил, мы раздумывали, как удобнее добраться на автомобиле к колодцу, найденному нами. В этот момент в русле около нас показался медленно катившийся вниз к хоолаю дождевой поток. День был пасмурный и над горами пролил основательный дождь. Колодцы были забыты и мы мигом заполнили процеженной через полотенце водой бочку из-под бензина. Словом, дождь помог нам во всех отношениях.

Начиная от впадины с песком растительность по дороге поражала (для этого года) бедностью. Весь этот район следует целиком отнести к настоящей пустыне. На галечных площадях встречался редкий багалур, боро бударгана. Не знаю, отсутствовали ли здесь дожди и виденные нами были первые, или здесь вообще земля – “ундус угэй” (без корней).

Во всяком случае разницы с 1927 г., определенно в этих местах засушливым, было очень немного¹⁹⁾. В районе стоянки и далее к горам ровные галечные площади были совершенно обнажены и растительность (крупные кустарники и мелочь) сосредоточивалась в руслах и руслецах, покрывающих пустыню в этом месте сплошной сетью. Из кустарников особенно заметны буйлэс, карагана, какой-то куст с желтыми цветками (*Piptanthus mongolicus?*), местами нохой ширин, шара-модо и др.

Стояли мы невдалеке от восточной оконечности скалистых гранитных холмов, протянувшихся вдоль южного подножья Бага-Баяна и Ихэ-Баяна. Найденный нами колодец очень похож на Толи, но отсутствует маленькое болотце, которое я помню хорошо. Около колодца, отмеченного темными холмиками с запада и пятном дэриса и находящегося между горами и гранитными холмами, ближе к последним, саксаул, *Glycyrrhiza*, дэрис, тростник; глинистый рыхлый солонцовый наплыв. Несколько кустов *Tamarix*'а. Этот последний уже несколько раз попадался нам по дороге. Особенного развития он достигает в некоторых местах головных участков сайров-прорывов через холмы в окрестностях этого колодца (назову его условно “Толи”). К западу от него невдалеке виднелось еще зеленое пятно, быть может, как раз настоящее Цзун-Толи²⁰⁾.

Из фауны нами отмечены всего 4 [хара] сульты, зайцы. Следы хуланов, но немногочисленные. Вообще по всей дороге очень мертво. Редко, когда мелькнет [хара] сульта. Настоящая пустыня.

10/VIII. Был ясный день. Утром выехали не очень рано – около семи

19) В 1935 г. большая часть этой равнины была покрыта боро бударганой.

20) Так оно и оказалось (1935 год).

часов. Заехали на найденные Климовым колодцы и сменили старую воду свежей. Далее пришлось сдать к югу и пересечь впадину с цзагом. За ним мы взобрались на глинистую террасу и покатали по приличной дороге снова на запад. Пустыня здесь стояла совершенно голая. Редко попадались кустики багалура и боро-бударганы. Далее мы ехали по гребню террасы, покатою к югу, к тальвегу, где виднелся редкий саксаул, и обрывистой к северу. Общий разрез всего хоолая таков: <...>.

Подножье гранитных холмов почти все заросло цзагом. Последний заполняет обширные впадины, прорывающие местами террасу. Во второй большой впадине мы увидели поросшие цзагом два-три бархана, запирающие собой выход из впадины. За ними виднелась яркая зелень. Здесь чаевали. Экскурсия обнаружила большую площадь глинистого солонца, большей частью пухлого, с большими кустами шара бударганы, здесь уже совсем деревянистой. Кроме нее есть заросли тамариска, крупных, нормальных для юга размеров, местами образующие типичные бугры, частью мертвые. Много цзага, частью тоже мертвого. По северной окраине, близ гор, порядочная рошица тоораев – сотни две деревьев. Тоораи среднего размера – до полуметра в диаметре. Есть молодые. В одном месте пятно дэриса с провонявшим колодцем. В общем типичная для юго-западных оазисов картина.

Попадались следы [хара] сулыт и хуланов. Рядом - та же почти бесплодная пустыня с редким багалуром и боро бударганой. За ней в бинокль я различил в хребте Нэмэгэту место Хушо худуга, устье Уланхундэй, щель Шатаин даба и места, где я охотился в 1927 году. Где-то здесь мы пересекли маршрут Г.Н.Потанина (район Боро хацабчи).

Выехали не рано. Ехали очень медленно, радиатор все время кипел, дорога шла в гору, попало рыхлое место и автомобиль немилосердно резал землю. Подъехали к следующей впадине перед темнотой. Плохо рассмотрев местность впереди, мы побоялись видневшегося в нижней части впадины густого цзага и решили пересекать ее по верхней части. Проехав с милю заночевали. К вечеру чуть захмарило. Ветра не было и стояла духота. Температура была 26°C. При свете ярко горевшего большого костра из саксаула бродили и пили чай полуголые бородатые люди. Спали без майхана.

11/VIII была все время очень тяжелая дорога по размытой котловине с цзагом плюс подъем и рыхлые глины. Овраги, останцы типичной розоватой окраски. Растительность по-прежнему скверная. К середине дня (проехали мы очень мало) мы миновали Цзун обо и Барун боро обо (по Казакевичу) почти у их подножья и остановились к западу от последнего в районе помеченного Казакевичем кол. Хараин шанда, которого мы не

видели. Барун боро обо – последняя горная группа на линии гранитных холмов, к югу от которых мы ехали. Темная сланцевая порода, непосредственно к которой примыкают с севера гранитные выходы, здесь уже узкие и мелкие. Западное крыло Барун боро обо прорвано несколькими ущельями (мы осмотрели три). Второе с запада вполне доступно для проезда автомобиля. В первом и третьем маленькие ключики, может быть, временные. Вместе с тем около них (особенно около восточного) ряд охотничьих ноуц (засад), остроумно приспособленных в скалах. Возможно, что ключи текут и в засуху. Есть следы стойбищ, но колодца найти мы не могли. Непосредственно к западному крылу Барун боро обо примыкает приподнятый край террасы, образующий крутой высокий обрыв, падающий к югу и составленной все той же розовой глиной. Условно я обозначил его именем “Яган тэг” (*ягаан по-монгольски розовый – прим. сост.*). В месте контакта его со сланцевыми холмами в седловине есть наплыв с верхней террасы, поросший саксаулом, *Tamarix*’ом и в одном месте густым тростником, достигающим в некоторых случаях моего роста. Поиски воды успеха не имели, хотя в кустах есть убульчоны. В одном из распадов склона Яган тэга, поросшим частью тамариском (последний, между прочим, почти везде в цвету – указание на поздние дожди?) я обнаружил странную картину. Разбитое стойбище. Разбросаны двери от юрты, часть хан, разбитая чаша, деревянный домбо, ведро для чая, несколько абдаров, частью разбитых, частью целых. В одном оказались аккуратно перевязанные три нома в хорошем состоянии. Листки номов были разбросаны в большом количестве в одном из кустов тамариска. Валялись павлиньи перья из бумбу, крышечка самого бумбу. Подержанный малагай. Все эти подробности заставляют предположить грабеж. Произошло это не так давно, во всяком случае в этом году. Песком не занесено, лишь чуть замыто последними дождями. Листочки номов почти совсем не пострадали. Кроме того по этим окрестностям, включая данное место, Яган тэг и упомянутые выше ущелья, сегодня утром или вчера вечером проехало, кружа, несколько верховых и два верблюда. Такие таинственности всегда любопытны. Напившись чаю, мы подъехали к ключу (нижнему – их два) в восточном ущелье, осмотренном Климовым, набрали воды, пофотографировали. Скалы, обставляющие ущелья коридором, довольно живописны и очень темного цвета. Около ключей и в самом прорыве среднего ущелья небольшие рощицы совсем молодых тоораев. Выехав из ущелья обратно, мы поднялись средним широким ущельем-прорывом, размытым, без скал и обставленным лишь низкими холмами, перевалили маленькую гранитную грядку и оказались на покато́й к югу равнине, поднимавшейся к гряде Баян-Цаган. О

подробностях рельефа этого места – ниже. Пока скажу о картине, открывающейся на юг с Яган тэга, откуда я брал засечки.

От г. Алтан улы на запад идет длинный и низкий шлейф с малозаметными возвышениями на западном конце. Сама г. Алтан ула прикрыта с С.-В. отрогом - крылом хр. Нэмэгэту. Дорога с седловины (Хутул усу) этих двух хребтов (путь Потанина) идет, вероятно, через ущелье-прорыв в этом крыле. При взгляде на Нэмэгэту в профиль на его северном склоне против западной половины высокой части выделяется параллельный основной оси крутой и довольно высокий хребтик, прорванный, вероятно, общими с главным хребтом, ущельями. За шлейфом Алтан улы виднеется зубчатый гребень хр. Тосоту, также имеющий на западе длинный, низкий и ровный шлейф с отдельными небольшими возвышенностями²¹⁾.

Далее на запад от шлейфа Алтан улы виднеется отдельная горная группа (Онгон улан Казакевича?)²²⁾, невысокая и небольшая. В понижениях между шлейфом и ней в тумане чуть виднелся хребет Цаган-Богдо.

К северу от шлейфа Алтан улы виден хоолай, уходящий на Ю.-З., где должны находиться колодцы Бумбу и Цзун модо. Место первого как будто намечается обильным цзагом с заросшими им же барханами.

Выехав на упомянутую выше равнину, мы стали подниматься по ней почти прямо на север, надеясь найти дорогу или удобное место для движения на запад. Ночевали невдалеке от ее верхнего края, т.е. Баян Цаганской гряды.

12/VIII утром выехали снова на север, по большому сайру. Несколько километров ехали холмами, затем выехали на равнину, за которой и начиналась собственно Баянская гряда. Здесь повернули на запад и проехали километров 5 у северного подножья холмов. Соблазненные гладкой равниной мы снова повернули к северу, подъехали к холмам Баян цаганской гряды и по большому сайру въехали в них. Поднявшись немного мы влезли на гору, чтобы рассмотреть местность впереди. Вид открылся широкий. На севере ясно в подробностях виднелся хр. Ихэ-Богда. На юге – г.г. Нэмэгэту и Алтан ула. До перевала оставалось немного и дорога была хороша. Мы решили продвинуться еще к северу и попасть прямо в мон. Хан-Тайшири, минуя мон. Юм бэйсэ. К перевалу ехали пологими степными подъемами между низкими холмиками и самого перевала почти не заметили. Дороги не было.

Легко спустились по сайру, а потом по широкой долине вниз, после

21) г.г. Сэртэнг, Сариг и др. (1935 г., Симуков).

22) Это действительно Онгон улан (1935 г., Симуков).

чего стали сдавать к западу по покатоному к северу гладкому бэлю. Спустившись наискось вниз, мы наткнулись на большую дорогу и поехали по ней на запад. Ехали долго, почти до Чжинсэту улы. Дорога эта является северным вариантом Цончжиин цзама и идет к Юм бэйсэ, а затем проходит через оба Толи и Цзагиин худуг (по расспросам)²³⁾. На восток один вариант идет через Лэгин гол на Бацзар Хуйтэн (Эрдэни булаг, Халцзан, Эмту Тугуриг), другой выходит по-видимому к Баян-тухуму через Чоноин шорголга. Вечером заехали в аил, купили барана, расспросили кое о чем и вскоре после аила свернули с дороги на северо-запад. Проехав еще километров 4, заночевали. С некоторых точек по дороге открывался широкий вид на всю северную цепь Гобийского Алтая. Панорамой открывались хребты Ихэ-Богдо, Ноян-хяр, низкая гряда Таряты, далее Бохар, Цэцэн, Баян-Цаган, далеко на западе виднелись Гичигэнэ нуру. Намечался проход к Хутуг-нуру. Между Баянской грядой и северной цепью залегает ряд низких хребтиков, большей частью розового цвета. Сложены они (судя по одному виденному холму) известняками. Определение всему пространству между Убур Цаган голом и Гичигэнэ нуру, данное мной в 1927 г., не совсем верно. Непосредственно к западу от Убур Цаган гола имеется скопление мелких гряд, а затем идет широкая равнина, открытая во всю ширину между главными цепями. Она образует замкнутую котловину и постепенно повышаясь уходит на запад в направлении Хутуг нура. Далее на ней есть один-два хребтика – Унтагиин цахир и Баян Булагин ула. Главный сток всей этой равнины направляется к Ногон-нуру, расположенному к северу от Унтагиин цахира и к Ю.-В. или В.-Ю.-В, от Цэцэна. Есть второстепенные котловинки, в которых задержалась вода недавнего дождя. Я видел их две. Покатая равнина ара бэля Баянской гряды упирается в место нашего спуска в розовую гряду (Цаган булагин хяр), находящуюся в самом низу, и составляющую часть вышеописанного скопления гряд. Далее на восток холмы спускаются ниже и уходят к самому хоолаю в районе Сучжи (к западу от Лэгин гола). На запад же эта равнина подымается выше и отделена от большой впадины небольшими грядками холмов с просветами между ними. В районе Чжинсэту улы холмы эти становятся значительнее и составляют уже как бы предгорья Баян-ундура. О той части, впрочем детально ниже. Баян цаган мне здесь назвали Бай Баян цаганом.

Совсем особый характер имеет Баянская гряда. В месте нашего пересечения это обширное пологое вздутие, усеянное мелкими холмами и горками. К югу можно наметить несколько гряд, прорванных руслами. К

23) См. Ладыгина и Казнакова.

югу от собственно Баянской гряды идет покатая к Ю. равнина, имеющая выход на восток, к Нарангиин хяру (там она загорожена лишь увалами-мысами бэля). Южнее идет новая гряда, четкая на севере и расплывчатая и широкая на юге. Ее северный склон - черная порода. Южный – граниты, сильно выветренные. Последней грядой можно считать гранитный кряж между Толи и Барун-боро-обо. Равнина, которую мы пересекли к северу от Барун-боро-обо, уходит на восток к подножью Ихэ Баян Цагана и, вероятно, почти соединяется с бэлем Бага Баяна близ Толи. Правда, в ту сторону она уходит сужающимся клином. С перевала Баянской гряды на запад было видно ее продолжение, имеющее уже другой характер. Туда ведет повышение и там гряда имеет весьма скалистый характер, без пологих широких долин. На восток идет снижение и там резко выделяются Ихэ-Баян, Бага-Баян и еще 1-2 кряжа к северу от Ихэ Баяна. Как я уже знаю по 1927 году, восточная часть гряды холмиста и запутанна.

Уместно будет перечислить котловины-хоолай на нашем маршруте. Одну линию составляют Баян-тухум - Хонгорин гол - ара хоолай Нэмэгэту - Цзун-модский хоолай. Котловина с песками около Шорголга имеет как будто, выход на север, хотя это еще под вопросом – слишком неясно было пересеченное нами русло. Падения же я разобрать не мог. Тойрим севернее пересечения, по-видимому, определенный скат к северу. Туда же идет и хоолай, начинающийся под Тубши. Ската котловины за известковой горкой, около Ширэ, разобрать толком я тоже не мог. Северная цепь впадин дает хоолай к югу от западной оконечности Арца Богда, Лэгский хоолай и Ногон нурскую котловину. Все же, как видно из этого перечисления, весьма важные котловины остаются пока детально невыясненными. Как раз пространство между Бага Богдо и нашим пересечением продолжает быть неясным (оно было выяснено мною в 1932 году). Да и наше пересечение Хонгорин гол – Толи мало внесло нового; было не до наблюдений. Вместе с тем именно эта котловина и является, пожалуй, важнейшей в этом районе, наиболее обширной и глубокой.

13/VIII выехали рано и стали спускаться в котловину без дороги, держа направление на северо-запад. Левее оставались холмистые мысы (один собственно). Далее мы поехали в промежуток между Унтагиин цахиром и Чихини хяром. Стали массами попадаться хулань, по которым мы начали стрелять. Подъехав к небольшому известковому холму, находящемуся недалеко от западной оконечности Унтагиин цахира, мы остановились и взойшли на него. Вся равнина кругом была усеяна хуланьими стадами. Количество их было наверняка не менее 10.000. В бинокль хорошо были видны вольно бродившие табуны, хулань

кормились, бегали, играли, дрались. Отдельные экземпляры носились взад и вперед, подымая клубы пыли. В воздухе стояло непрерывное ржание, напоминавшее отдаленный скрип немазаных телег на деревянном ходу. Библейские времена в двадцатом веке! Публика, конечно, не выдержала. Решено было немного погоняться за ними. Мы свернули и врезались в самое большое стадо. Кругом были хуланы, спокойным поскоком пересекавшие сплошными массами путь автомобилю. Отдельные табуны останавливались неподалеку и смотрели на нас. Началась пальба. В результате довольно длительной погони, во время которой мы крутились по степи западнее Унтагийн цахира, оказалось 5 убитых хуланов, да два наверняка раненых, но ушедших. Началась возня с обдиркой. Первых двух ободрали подъехавшие на выстрелы со стороны Ногон нура монголы. Остальных трех ободрали сами. Попотели изрядно и возились долго. На мясо подъехала еще целая партия монгол со стороны Баян булага. Я сам убил одного хулана. Под вечер выбрались наконец дальше и проехав до красноватых холмов остановились у айлов на ключе Баян-булаг. Здесь мы выехали на маршрут Камской экспедиции П.К.Козлова, по которому ехали в дальнейшем до Биггэр нура. Араты катали войлока. В этих местах овец стригут всего один раз, в это время. За этот день растительность была хорошая. Преимущественно тана, местами немного багалура, хилагана. Местами поросли тэсха, местами почти чистая мелкозлаковая степь. В низинах попадается улан- и боро-бударгана. От айла хорошо видна была Чжинсэту ула, Ихэ Богдо, Тарята, Цэцэн и Баян цаган.

Наутро 14/VIII мы двинулись дальше по дороге, на которую выехали еще при погоне за хуланами. Дорога эта проходит у южного склона Баянцагана и Цэцэна, и уходит к Ногон-нуру, севернее Унтагийн цахира. Это уже южный вариант пути Хобдо - Хуху хото или Калган.

Дорога пошла все вверх, к седловине Баян Цаган - Гичигэнэ нуру, приближаясь к первому. Ее пересекает целый ряд кочковатых, поросших дэрисом долинок, по некоторым из которых текут ключи. Переезжать их очень неудобно и портят дорогу они сильно. В истоках одного из ключей (Далан-туру Козлова?) под самыми горами видны развалины небольшого монастыря. Вероятно старый мон. Юм бэйсэ (см. это место у Козлова).

Настоящая седловина осталась внизу, к югу. Хребет Гичигэнэ нуру несколько расплывается на восточном своем конце. Хребтик Чихини хяр почти сливается с его предгорьями. Есть небольшая седловина, за которой видна равнинка, уходящая к Ю.-В. К западу от нее идут холмы, соединяющиеся (на глаз) уже с Баян-ундуром. Равнинки, по которой я ехал в 1927 году от Баян-ундура к Шара булагу, не видно.

В восточных предгорьях Гичигэнэ нуру выделяется белая гряда,

заканчивающаяся хорошо видной среди невысоких темных холмов белой остроконечной горой, отмеченной на моей съемке.

Мы поднялись по дороге очень высоко, почти к самому подножью западной оконечности Баян Цагана, до которого оставалось не больше 2-3-х км. Затем начался волнообразный, вследствие поперечных дороге долинок, спуск в котловину Хутуг нура. В предпоследней из пересеченных долинок – ключик Хараин шанда.

Далее пошел довольно удобный спуск к озеру, которое стало видно невдалеке впереди. Высокий хребет Баян Цагана кончился и расплылся в низкую гряду горок, отошедшую от дороги. Наоборот, Гичигэнэ нуру поднялся довольно высоко, имея вполне хангайский (здесь можно сказать “алтайский”) характер. Плосковатые округлые вершины, сравнительно слабо расчлененные круто- и гладкобокие горные массы.

Ближе к Хутуг нуру справа снова подошли невысокие горки Унигэту, доходящие холмами до самого озера. На западе горизонт закрылся большой отдельной горой Чиндамани, как будто вышедшей к озеру из хребта Гичигэнэ нуру и сильно схожей с отдельными вершинами этого хребта. Вот схематический вид этого участка с востока: <...>

По возможности не задерживаясь, мы двигались все дальше и дальше. На Хутуг нур я бросил лишь беглый взгляд с холмика, где делал засечки. Озеро невелико, неправильной формы. Берега в большинстве оголены. На южной стороне зеленеет ключевое (?) урочище. Общее впечатление – высокое, холодное, унылое место среди суровых высоких гор. Далее долина огибает г. Чиндамани с севера. Дорога следует ей. За горками Унигэту, в которых выделяется острая красноватая вершина, северные горы снова отступают к северу. С южных холмиков Унигэту, хр. Баян Цаган виден в профиль. Намечается его южный склон, на котором видна довольно высокая вершина. Очевидно, что за низким нешироким западным продолжением Баян цагана сразу начинается впадина Южной озерной котловины. Это чувствуется на глаз. Таким образом, в схеме, не считая выступа Унигэту с севера и выступа Чиндамани, соединенной низкой седловиной с Гичигэнэ нуру, сюга, общая картина района в меридианальном разрезе, начиная с Толиин хоолая Заалтайской Гоби на юге, представится в следующем виде: <...>

К северу от Чиндамани и дороги, проходящей км в 3-х от этой горы, имеется понижение с ключами – упомянутое еще Козловым ур. Шара буриду.

Вся долина в этом месте поросла дэрисом, особенно разросшимся около ключей. Дорога наша, давно заброшенная, шла здесь все время по кочкам, и автомобилю доставалось здорово. Далее долина обогнула г.

Чиндамани и снова направилась на запад, несколько повышаясь. Впереди наметилась седловина, ограничивающая впадину Хутуг нур – Шара буриду с запада.

Отступившие на меридиане Шара буриду к северу горы снова подошли к дороге и стали несколько выше.

Монголы назвали мне этот кряж именем Даглант. Примерно в районе седловины поросли дэриса кончились, дорога стала значительно лучше и шла вдоль южного склона г. Даглант, в непосредственной от них близости. Слева по-прежнему возвышался ровный, высокий вал Алтаин нуру – название, здесь употребительное. Долина здесь неширока – около 10 км. Со спуска открылся вид на запад. Долина уходила вниз и упиралась вдали в тот же Алтаин нуру, делающий в дальнейшем колено к северу. Справа тянулась линия гор средней высоты, но гораздо более скалистых, нежели Алтаин нуру. Проход в Биггэр-нурскую впадину не виден. Интенсивный спуск по хорошей дороге быстро привел нас к ключу Голин эхин, где большой сайр, начинающийся в ущельях Алтаин нуру, прорывает узким, скалистым ущельем северную ограду долины. В головном участке этого ущелья и находится упомянутый ключ. Расспросив в аиле на ключе о дороге, мы двинулись дальше, имея справа скалистые горы, в которых мы безрезультатно стреляли по паре волков. Здесь каменная дорога очень быстро привела нас ко второму прорыву, уже без ключа в головном участке. Дорога сворачивает в этот прорыв и идет большей частью по дну большого сайра. Участок также довольно каменистый. 2-3 километра спуска по прорыву вывели нас из гор, дорога взяла снова на С.-З. С бугорка у выхода из ущелья открылся широкий вид на обширную и очень глубокую Биггэрскую котловину. Далеко внизу на северо-западе поблескивало озеро Биггэр-нур. За котловиной, на севере, протянулся хребет Сэрхэ Богдоин нуру, имеющий широтное направление и правильную форму - от находящейся почти в центре его вершины к востоку и западу полого опускаются длинные крылья. На востоке он сходит на нет и в ту сторону котловина имеет свободный от гор широкий выход в Южную озерную впадину. Выход этот, конечно, несколько выше Биггэр нура, имеющего таким образом замкнутый характер. На западе пониженное крыло Сэрхэ Богдо переходит гористой седловиной в восточное крыло высокого Тайширского хребта. Седловина между Биггэрской и Шаргаинской котловинами довольно высока и узка, так как с юга ее сжимает колено Алтаин нуру, дающее здесь очень высокую группу Бурхан-будда, а с севера - южные широкие предгорья Тайширского хребта. Сама седловина закрыта холмами и открытого прохода к Шаргаин гоби не видно.

Начался спуск с высокого каменистого бэля по очень приличной здесь дороге, хорошо натопанной. Невдалеке от выхода из ущелья мы миновали ключ Сучжи с небольшим клочком посевов. Около них стояла бедная юрешка земледельца. Сам он встретил наш автомобиль, опершись на лопату, так как производил поливку. Колоритная для юго-запада МНР картинка!

Длинный и сравнительно крутой спуск – мы ехали все время с выключенным мотором – уводил нас к озеру. Через несколько километров мы пересекли быстро бегущую в котловину с Алтаин нуру речку, прорезающую здесь все тот же пустынный каменистый бэль, без всякой зелени по берегам. Уже темнело. Еще через несколько км мы доехали до Ю.-В. окраины дэрисуна, заполняющего самое дно котловины. Дорога пошла его Ю краем. Расспросив в стоявших на упомянутой речке [юртах] о местонахождении сумуна мы высматривали его юрты в дэрисуне и заметили их уже перед наступлением темноты. Свернули с дороги и, попрыгав немного по кочкам дэриса, стали в полукилометре от юрт, на рыхлой солончаковой почве среди дэрисуна. Нас сейчас же окружили съехавшиеся на собрание араты и ... комары. Майхан пришлось закрыть наглухо и подымить. Стоянка была вообще не из уютных. За водой на ключ надо было ходить довольно далеко, аргала поблизости не было, почва скверная и комары.

15/VIII полдня провели на месте. У меня был интересный разговор с одним стариком, причем я попытался выяснить причины, вернее принципы, которыми руководствуется хозяин при подборе стада (в смысле видов). Все это происходит, конечно, не случайно. Отбросив пока в сторону влияние ландшафта, мы получим следующие факторы, принимаемые в этом случае во внимание. Разъезды и пастьба – лошади; заработок извозом – верблюды и, на севере, бык; заработок сырьем – главным образом верблюды и овца. Войлока – овца; мясо - главным образом овца и коза. Молоко для чая – коза, молоко для прочего – корова. В идеальном случае все производится дома и скот определенного вида держат по размерам нужды в том или ином продукте. Наиболее рентабельным считают верблюда (извоз + кочевки + шерсть), на втором месте в данном районе стоит, пожалуй, сарлык (кочевки + молочные продукты + масло на продажу). В мелком скоте рентабельнее овца (мясо + шерсть). Коза ценится из-за молока *для чая*. Лошадь на последнем месте. Ее количество в первую голову определяется *потребностью* данной семьи. У бедноты дело обстоит, конечно, иначе. Таким образом гипотетически видовой состав хошунного стада является результатом взаимодействия всех потребностей хозяйств хошуна и его географического ландшафта, плюс

некоторая поправка на социальный состав. Для детального выяснения интересующего меня вопроса, следует помимо изучения сумунных списков, выявить еще и потребности хозяйства, изучая списки под этим углом зрения. Когда я заговорил о лошадях в примерном нормальном хозяйстве, мне прежде всего задали вопрос: а сколько в этом хозяйстве душ, и именно взрослых, главным образом мужчин? Ибо отчасти и от этого зависит количество лошадей.

Расспрашивал о засухах. За последнее время здесь была всего одна, именно в трехлетний период 28-29-30 г.г. Другие указывают лишь на два последних года. Этот год [1931 г.] дожди прошли порядочные, особенно по горам, но корма там тоже неважны, так как за три года уже успели частью отмереть корни. Если и в будущем году будет достаточно осадков, то только тогда растительность разовьется в полном соответствии с ними. Любопытно, что примерно то же самое говорили ранее в Баян Тухуме относительно южной пограничной полосы Гурбан Сайхана, где в этом году несмотря на дожди, растительность оставляет желать лучшего. Конечно там для того, чтобы отмерли корни, потребовался гораздо больший период засухи, так как гобийские растения гораздо более выносливы в этом отношении. Далее, следует отметить, что в упомянутые засушливые для описываемого района годы, снегу зимой выпадало все-таки очень много (по хребтам, конечно). Тем не менее таяние его не давало достаточной влаги для произрастания весенних трав. Происходит это явление вследствие весенних сухих ветров, “сседающих” снег на месте. То есть, иначе говоря, и здесь происходит испарение снега прямо в воздух, несмотря на большие его запасы. Лесной покров мог бы задержать весеннюю влагу, но его нет и, при таких условиях, появление его подвержено большим сомнениям.

Биггэрнурских пашен мы так и не видели. Расположены они восточнее озера. Помимо этого в районе разбросано много мелких клочков, вроде виденного нами в Сучжи. Такие клочки есть, например, в верховьях пересеченной нами речки в ур. Мингат. Урожай на Биггэрских пашнях хорошие - в благополучный год сам 7-8. Никаких современных земледельческих орудий сюда еще не поступало. Минимальный урожай расценивается в сам 2-3. Размеры посевов – 200 чаш по 12 чжинов. Думается, что цифра эта преуменьшена.

Биггэрский сумун насчитывает свыше 500 (580) хозяйств. Причина такого большого числа в том, что котловина Биггэр нура кормит много скота и площадь сумуна невелика – не более 60-70 км в поперечнике.

Выехали мы из жаркой Биггэрской котловины много спустя после полудня, взяв в сумуне проводника. С нашей стоянки можно было

разобрать в подробностях выход Хутуг нурской долины к Биггэр нуру. Гряды с двумя прорывами, по восточному из которых мы выехали к Сучжи, очень скоро обрывается. Невдалеке от ее западного конца протекает пересеченная нами речка. Участок покатости от Алтаин нуру к Биггэру между этой речкой и изгибом Алтаин нуру к северу, т.е. до группы Бурхан-будда, перегорожен вытянутой в широтном направлении грядкой Баян араг.

Грядка эта лежит не на линии пересеченных нами по ущелью гор, а несколько севернее. Ее восточный мыс находится невядалеке от речки, а западным концом она смыкается с предгорьями г. Бурхан-Будда.

Южный склон Сэрхэ Богда сильно расчленен и на вид имеет вполне гобийский характер. По гребню же заметны плоскости, соответствующие уже Хангаю или Алтаю.

Со стоянки мы ехали по дороге, иногда объезжая кочковатые из-за рослого дэрисуна, места. Вскоре миновали небольшой монастырек, спрятанный в дэрисуне, а в дальнейшем подъехали к порядочному монастырю Биггэр Номун хан хуриэ, где я сделал 1-2 снимка. От монастыря дорога стала делиться. Одна ушла в дэрисун и направилась прямо на Хан Тайшири, а другая – продолжение [дороги] Шара цзам – на запад, к седловине между Биггэром и Шаргаин гоби. Поехали мы по последней, желая избегнуть дэрисуна и глины, обильных на прямой дороге. Очень скоро после монастыря дорога испортилась, так как ее стали пересекать многочисленные сайры с обрывистыми берегами, размытые дождями этого года. Под знаком непрерывного ныряния мы подъехали к глинистой гряде, загородившей подъем на седловину к Шаргаин гоби. Заросли дэриса почти от самого монастыря отошли книзу. Дорога уходит в ущелье, отмеченное размытыми характерными выходами красной глины. Подъехав почти вплотную к ним, мы повернули вниз, на север, и без дороги, по тем же сайрам, убийственным для автомобиля, направились по направлению к дороге, ушедшей еще от Биггэрин хуриэ прямо на Хан Тайшири. Проехав 2-3 км и одолев полосу кустарников с рытвинами и водомоинами между ними, мы остановились на ночевку на ключике, выбегающем в 1-2 км из той же глинистой гряды. Ключ, кажется, называется Сайн булаг. Под холмами в его начале были видны клочки посевов и 2-3 юрты.

Внизу, на самом дне Биггэрской котловины, к западу от озера, протянулась в том же широтном направлении гряда холмов, совершенно изолированная. Холмы же, где берет начало Сайн булаг, отходят несколько к С.-З. и скоро выклиниваются. Севернее их, на запад идет равнинный подъем все на ту же седловину к Шаргаин гоби.

16/VIII, на десятые сутки по отъезде из Баян тухума, мы выехали с места ночевки все в том же северном направлении. Вскоре выбрались из сопровождающего ключ кустарника (карагана и т.д.) и по галечно-щебнистой равнине, иногда пересекая сайры, без особого труда выбрались на дорогу в Хан Тайшири. Свернули по ней на северо-запад. Здесь все время идет чувствительный подъем. Вскоре дорога выходит к большому сайру и следует вверх по нему. По сторонам начинаются холмы – Ю.-В. предгорья Тайширского хребта. Южнее дороги намечается гряда Дулан-хара, довольно скалистая и имеющая гобийский характер. Она и составляет собственно юго-восточные предгорья Тайшири-улы. Далее дорога выходит к ключу Цахир-булаг, на котором также имеются небольшие посеы. Здесь соединяются два-три сайра, образующие то большое русло, по которому мы ехали. Горы Дулан хара здесь, посредством каменистых холмов, сливаются с Ю.-В. оконечностью собственно Тайширского хребта. Миновав Цахир булаг, мы стали подыматься по самому южному сайру, среди невысоких каменистых горок. Довольно длинный подъем вывел нас без перевала на небольшую, замкнутую со всех сторон горами, равнину Хучжиртуин тала, отделяющую центральную часть Тайширского хребта от его южных предгорий. Ширина равнины – несколько км (меньше 10, 6-7), длина – 20-25 км. Наш сайр оказался одним из сайров – прорывов, уходящих с этой равнины. Абсолютная высота этой равнины должна быть значительна. Дорога по сайру была довольно прилична, во всяком случае проходима для автомобиля. Горная дорога наискось через равнину привела нас к южному подножью Тайширского хребта, к ущелью Хучжиртуин ама (ключ). Поднявшись немного по этому ущелью мы остановились около палатки МНЦК сомона Наранг. Пообедав, мы тронулись дальше. Дорога свернула из ущелья на запад и по окраинным холмам прошла до следующего к западу ущелья Думда голин ама, тоже с ключом. Только здесь, после спуска в это ущелье, начался подъем на Дуту даба, перевал через высокую центральную часть Тайширского хребта.

Ущелье, ведущее к перевалу, узко и крутобоко. Дорога часто идет по опасным для автомобиля косогорам. {Абдурахман, плохо рассмотрев дорогу, вперся в русло в очень узком месте и едва оттуда вылез. Авто сидел в этой канаве совсем перекошенный. С трудом выбравшись из этой канавы,} постепенно мы поднялись на самый перевал, который представляет собой обширную площадку с гольцовыми болотинками, откуда начинаются ущелья как южного, так и северного склонов, разделенных поднимающимися довольно высоко над площадкой гребнями. С этой площадки начинаются по крайней мере три ущелья южного склона и два северного. Подъехав к головному участку ущелья, ведущего на

северо-запад, мы увидели км в 18, большой хуриэ Хан Тайшири. Крутой спуск местами с опасными косогорами, был пройден без приключений. Мы спустились на равнину и по равнине, вдоль северного склона Тайширского хребта, покатали к хуриэ, куда в скором времени и прибыли. Майхан раскинули во дворе райконторы МНЦК. В этот день больше ничего не делали, отложив все дела на завтра. Как-то не верилось, что, несмотря на все трудности, мы все-таки добрались до Хан-Тайшири, после 10 суток странствований. Машина была изрядно покарябана. Сменной передней рессоры не стало, стартер не действовал, переднюю тягу с фарами пришлось снять и автомобиль пришел без “глаз”. Кузов отчаянно расшатался и жалобно пищал при каждом движении.

Растительность на участке Баян булаг – Хан Тайшири

Флора подъема на седловину к Хутуг нуру имеет главным образом полупустынный характер, приближаясь к обедненной степи. Долинки с ключами заняты дэрисуном и мелкой болотной травкой. Корма были средние. Этот же характер сохраняется и на спуске к Хутуг нуру. В окрестностях последнего – солянки до шара бударганы включительно и дэрис. Далее около Шара-буриду – обширные поросли дэрисуна. Под горами (вероятно) степная растительность. На середине к Биггэру – степь с ковылем. Она же и на спуске к ущельям-прорывам. Южный бэль Биггэрской котловины – каменистая и щебневатая пустыня с негустым багалуром, и местами, редкой порослью тэсха. Эта ассоциация, вероятно, занимает также и северный бэль котловины. По дну ее обширные поросли дэриса и других злаков, сопутствующих солончаковой почве. По окраине дэриса, местами бугры с нитрарией. Попадаетея шара бударгана.

На подъеме к Дуту даба полупустыня, частью горная. На Хучжиртуин тала – тоже (тана, местами даже багалур). Лишь в самом Тайширском хребте начинается горно-степная [растительность], переходящая наверху в зачатки альпийской (осоковые гольцовые болотца). Быть может район перевала вытравлен, но на меня растительность Тайширского хребта произвела очень плохое впечатление. Было голо, очень голо и желтовато. Никаких кустарников. Арцы и в помине нет. По-моему, даже в Сайханах растительность куда богаче, не говоря уже о Хангае.

Около Хан-Тайшири степь, вытравленная и бедная. Говоря вообще, корма на всем протяжении от Баян булага до Тайшири включительно были плоховаты. Их можно было расценить как средние.

Такой изумительной таны, как около Сайханов, на Баян-цаганской гряде и по ее северному склону, мы нигде больше не видели.

Теперь два слова о населении. Весь участок в общем населен средне,

в некоторых местах даже хорошо. Так, останавливаясь около Голин эхин мы насчитывали в бинокль в устьях двух-трех смежных падей Алтаин нуру 2-3 десятка юрт. О Биггэрской котловине я уже упоминал. По Хучжиртуин тала, тоже в устьях ущелий, было довольно много юрт. Ранее группа юрт нам попала в Хараин шанда, много айлов отмечено на Шара буриду, несколько юрт виднелось за Хутуг нурум.

Определение стран света везде *западное*.

Шаргаинский разъезд

17/VIII я работал со съемкой, и писал. {Кроме того, мы побывали в аймаке и поговорили с аймачным даргой и еще с некоторыми активными работниками о работе по нахождению нового центра. Дарга выразил большую радость по поводу нашего приезда, так как у них до сих пор не составилось определенного мнения на этот счет. Поминструктора МНЦК Шишкина (студента) мы сговорили насчет машины, дали пуда три своего бензина и назначили выезд в разъезд на 18-ое число.}

18/VIII днем наша комиссия в лице нас с Якимовым, Шишкина и представителя парткома Иринцина выехала на грузовом форде МНЦК из Хан-Тайшири. Маршрут был намечен следующий: Хабчигин даба, Шаргаин гоби, с заездом на Шаргаингольские пашни, седловина между Шаргаин гоби и Биггэр нурум и обратно. Сначала мы поехали на З.-С.-З от Хан-Тайшири по старой автодороге на Хобдо. Она идет под самым северным склоном западной части Тайширского хребта. Этот участок ниже центрального, но сохраняет, в смысле ландшафта тот же характер. Хорошая дорога, идущая волнами по низким мысам, привела нас км через 18 к едва заметному с севера короткому и пологому перевалу Хабчигин даба. С бугра около него открывается широкий вид. Тайширский хребет здесь заканчивается, резко снижается и низкой, но гористой, расчлененной седловиной, расположенной ниже перевала, смыкается с хребтом Хасагту Хайрхан, уходящим на северо-запад. Юго-восточная часть этого последнего представляет собой мощную нерасчлененную плоскую гряду. За ней видна наиболее высокая часть Хасагту Хайрхана, характеризующаяся острыми крутобокими пиками розоватого цвета.

Весь хребет представляется в достаточной степени мощным и высоким. На юго-запад же уходит огромная и очень глубокая котловина Шаргаин гоби с небольшим озером Шаргаин цаган нуру в ее западной части. За ней видны хребты Алтаин нуру. Несколько ближе их, недалеко к С.-З. от озера протянулась гряда Дариби нуру, между которой и Хасагту Хайрханом открывается широкий равнинный проход в Хуйсуин гоби, ненамного возвышающийся над Шаргаинской котловиной. Хасагту Хайрхан

спускается к последней расчлененными предгорьями. За Дариби нуру чуть виднелась какая-то большая вершина округлой формы – вероятно Судай ула. Отсчитав anerоиды и взяв засечки, мы двинулись дальше. С северной стороны у перевала есть ключик, да еще один ключик мы проехали по дороге к перевалу.

Спуск с Хапчигин даба довольно длинен, крут и не очень удобен, так как идет по каменистому ущелью, весьма крутобокому, уже не носящему полуальпийский характер, как например, вершина ущелий около Дуту даба. Ущелье это выводит в большой сайр, глубоко оврагом врезанный в бэля. Видные со спуска западные склоны Тайширского хребта довольно сильно изрезаны и местами покрыты клочками лиственничного леса. Я забыл упомянуть о двух небольших клочках леса, имеющих на северном склоне Тайширского хребта, недалеко к востоку от Хан-Тайшири в сторону Дуту-даба.

В некоторых местах склоны оврага несколько размыты и обнажают красноватую глину.

Растительность – ковыльная степь, вполне типичная. Спустившись немного по оврагу, мы свернули в одно из левых его ответвлений и почти тут же очень крутым, но гладким подъемом выбрались на террасу бэля, по которой и покатали дальше вниз, направляясь почти прямо на юг. Степь постепенно бледнела. Появилась карагана. Вскоре слева подошел еще один сайр, меньшего размера, нежели главный, и менее врезанный в террасу. По нему мы спустились, пересекая его наискось, почти до ур. Могой булаг, где увидели снова посева. Немного не доезжая их, мы выбрались снова на террасу, все ту же, с караганно-степной формацией, где проехав несколько км, подъехали к новому сайру у ключа Цзун булаг. Непересыхающий ключ с дэрисом и порядочной кормовой площадкой. Пересекши и этот сайр, мы вскоре спустились с первой, высокой террасы и поехали по второй, для которой была характерна обедненная степь, переходящая ниже в багалуровую полупустыню. Здесь мы подняли нескольких сульт и одного единственного хулана. Следующая терраса поросла чистым багалуром с примесью кое-где боро бударганы, т.е. явилась чистой пустыней. Спустившись еще ниже мы попали на четвертую террасу, самую нижнюю, где сразу начался сплошной саксаул, сначала редковатый и чахлый, на песчановатой с гравием и галькой почве. Далее песок перешел в красную глину типичного тойрима, перемежающуюся с пятнами песка. Саксаул здесь густ и высок, дает хорошие ярко-зеленые экземпляры. Автомобильная дорога вьется по зарослям, выбирая удобные места и огибая ключи Шаргаин гола. Пересекши заросли, автомобильные следы выходят на ту же Шара цзам из Хуху-хото в Хобдо, по которой мы

ехали до Бигтэр нура, вернее, до Сайн булага. Таким образом наш маршрут снова вышел на путь П.К.Козлова в Камскую экспедицию. По этой дороге мы свернули, следуя тем же автоследам, на запад, вдоль Ю. края долинки Шаргаин гола. Дорогу, впрочем, следы скоро оставляют, так как она идет по неудобным местам. Галечные площади с чистой багалуровой порослью сменяются полосами саксаула, уходящими довольно далеко на юг. Вскоре саксаул прекращается, дорога приближается к краю Шаргаин гольской долинки и идет чистой багалуровой полупустыней, занимающей, по-видимому большие пространства. Ближе к дэрисуновым порослям Шаргаин гола к багалуру примешивается улан бударгана, а местами и шара бударгана. Дорога, в общем, вполне прилична. Ехали вниз по Шаргаин голу мы довольно долго. Миновали урочище Шабартуру (см. П.К.Козлова), где стояла палатка МНЦК, кумиренку с амбарами (Дацанг) и далеко внизу, чуть выше пашен свернули к палатке СТМ, отмеченной высоким флагштоком с красным флагом. Около нее по дороге чистая поросль редкой шара бударганы. Палатка стояла на арыке. Работали в ней два китайца, у которых мы преугодно и расположились. Я работал до поздней ночи, благо был удобный столик. Поздно вечером – никто еще не спал – был заметный подземный толчек, испытанный мною впервые. Я обратил внимание на то, что стол мой кто-то усердно толкает и мешает писать. Оглядевшись, я заметил, что колеблется и пол, и вся юрта. Остальные тоже обратили внимание и все мы с интересом следили за колебаниями. Явление продолжалось две-три минуты. В Хобдо же, во второй декаде этого месяца, все время наблюдались толчки, иногда настолько серьезные, что валились хашаны и стены давали трещины. То же наблюдалось и в Бус хайрхане (Цзуйлиин хуриэ) в ночь с 9-го на 10-ое.

19/VIII утром мы поехали на пашни, отстоявшие от палатки не далее 3-х км. Почва все время рыхлая, глинистая. Бугры, часто с нитрарией, дэрис. Между ними квадратики старых пашен. Здесь практикуется залежная система с отдыхом в 3 года (на Лэге - 4, см. отчет о моей экспедиции 1927 г.). Наконец, начались посевы. Здесь, в жаркой котловине, начали уже жать и везде был народ. Жнут монгольскими серпами. Русский серп попался только один.

Видели речку Шаргаин гол. Воды очень много и ее хватило бы на очень большую площадь. Мутная речка с илистым топким дном и довольно быстрым течением. Между пашнями участки прекрасных поливных покосов, которыми население совершенно не пользуется. Урожай прекрасный. Сеют пшеницу и ячмень.

В стороне – песчаные бугры с кустарником. Недаром урочище наз.

”Сондог”. Пофотографировали, на обратном пути заехали к амбарушкам из сырцового кирпича, где засняли плуг. Затем вернулись в палатку. Тут же немного ниже находилась вторая палатка МНЦК.

С юга Шаргаин гоби ограничена в восточной своей части хребтом Хара ацзарганай нуру. Мощная гряда, вполне Хангайско-Алтайского характера – плосковерхая с гладкими крутыми склонами. На северном склоне много клочков лиственничного леса, растущего часто на внушительных крутяках. Далее к западу и южнее, чем Хара Ацзарга, кулисообразно к нему идет хребет Бурал Хайрхан, короче, нежели первый. Далее, чуть севернее Бурал хайрхана протянулся на С.-З. хребет Цаган Хайрхан. За ним по горизонту идут на С.-З еще горы, заходящие за Ю.-З. мыс гряды Дариби. В них выделяется острая вершина. Гряда Дариби стоит как бы отдельно и вытянута (на глаз) с С.-В на Ю.-З. Между ее Ю.-З. концом и упомянутой острой вершиной на горизонте чувствуется широкий проход или седловина, ведущая к Тонхил нуру. На севере хорошо виден Хасагту Хайрхан, быстро снижающийся к западу. Его низкий западный мыс уходит за горизонт. Между этим мысом и расплывчатым С.-В. концом Дариби - широкий равнинный проход в Хуйсин Гоби. Вся Шаргаин Гоби равнинна, со всех сторон постепенная покатость к Шаргаин голу и озеру, до которого мы не доехали всего 10-12 км. Основная растительная ассоциация – багалуровая полупустыня. Саксаул занимает сплошной порослью площадь не менее 200 кв. км.

По Шаргаин голу густые заросли дэриса, полуболотные луга, донные бугры. Местами бургасник (ивняк). Монголы говорили, пониже Шабар туру в бургаснике в небольшом числе (несколько штук) живут кабаны. Кабаны же есть и на Алаг нуре (см. Казнакова) и, как-будто, на Цэцэг нуре. Летом по речке одолевают комары и прочий гнус, и стоит сильная жара, на которую жаловались китайцы, говорившие что и ночью, при отсутствии движения, происходит сильное потоотделение.

Обратно мы ехали по старой же дороге на восток. Около Шабар туру была остановка и я успел взять две площадки: типичную багалуровую и окраинную к дэрису багалуровую с улан бударганой. Судай ула от Шабар туру видна.

Двигаясь все время по Шара цзам, мы оставили вскоре автоследы, ушедшие к Хапчигин даба, и стали постепенно подниматься на седловину к Биггэр нуру, куда уходила открытая долина, сильно в дальнейшем сужающаяся. Слева тянулись поросли цзага, поднимающегося по долине довольно высоко. Затем поросли эти прекратились. Дорога испортилась, пошли сплошные тэсховые заросли с буграми у корней. По самой дороге местами шла вода, [которая] размывала ее до степени оврага. Слева подошли

Ю.-3. холмы южных предгорий Тайширского хребта, справа – В. оконечность Хара Ацзарганай нуру, отделенная от следующих к востоку гор понижением с ущельем Алагин ама. В устье этого сайра виднелось пятно посевов (?), вероятно есть ключ. Еще выше дорога стала несколько лучше, пошла северной стороной долины. Холмы подошли ближе и на их Ю. конце наметился холм повыше, между которым и Алтаин нуру оставался проход не шире 3-4 х км. Подъехав к этому холму, мы оказались у нижнего конца пашен, питаемых речкой Халюн, а проехав еще 2-3 км, стали в юрте у источника этой речки.

Попутно мы осмотрели пашни. Как и на Шаргаин голе, прекрасный урожай ячменя и пшеницы. Хлеба созревали и араты уже начали жать свой хлеб. Всего здесь засевают до 30-40 десятин. Воды хватает. Почва легкая супесчаная. Вытекает Халюн гол из круглой порядочной ключевины, очень богатой водой. Вытекает сразу большой речкой, но пробежав версты 2-3 и отдав часть воды пашням, уходит под землю. Несомненно эта же вода появляется впоследствии в ключах Шаргаин гола. Ключевина окружена обрывистым яром, поросшим наверху дэрисом. Растительность кругом смешанная – полупустынная и обедненная степная. В горах к югу виднеются порядочные колки лиственничного леса.

Этот участок Алтаин нуру носит название Гурбан Хабтаргай. С холма, откуда я делал засечки, видна почти вся южная половина Шаргаин гоби. За Дариби нуру отсюда видны горы к северу от “острой на западном горизонте”²⁴⁾, соединяющейся с Судай улой. Снял несколько фото, отсчитал анероиды. Осмотр пашен и засечки я делал уже утром 20/VIII. Затем собрались и поехали дальше.

Неудобная, размытая старая дорога шла серединой все повышающейся долины почти прямо на восток. Основной тон покрову дает все тот же тэск. Слева идут несколько отступившие после холма около Халюна невысокие холмы, представляющие собой как бы край террасы, падающей к описываемой долине. Километрах в 5 от Халюна в холмах этих наметился пятном посевов ключик Хоримту. Справа же идут пониженные предгорья Алтаин нуру. Через несколько км слева от долины встает параллельная ей невысокая, узкая, но крутая грядка Гурбан худуг. Справа предгорья Алтаин нуру снижаются еще более и бэль большим клином вдаются в них на юг, к устью пади Цэцэрэнг. Ключом, выбегающим из этой пади, орошаются пересеченные нами посевы урочища Борцог, находящиеся посреди долины.

24) По-видимому цитата, источник которой идентифицировать не удалось (*прим. сост.*).

Путаясь по кочкам и оросительным канавам, мы миновали это урочище и продолжали подниматься по той же долине вверх.

Проехав еще несколько километров, мы снова увидели пашни, относящиеся уже к урочищу Намалцзаха. Поднявшись на несколько км выше пашен, мы остановились в одной из юрт и я пошел в небольшую экскурсию специально для целей съемки. Точку удалось выбрать очень удачную. Вид открывался достаточно широкий. Холм, на котором я находился, является частью водораздела между Биггэр нурской и Шаргаинской впадинами. Прямо на юг от него высится громада г. Бурхан-будда, резко выделяющаяся среди окрестных ей участков Алтаин нуру. Высота этого массива весьма значительна и, вероятно, лишь немного не достаёт до нижней границы пятен вечного снега. В результате ночного дождя она была оснежена по гребню. Отсюда, с севера, эта гора представляет собой короткий иззубренный оголенный скалистый гребень, с очень крутым склоном, куда падают чрезвычайно дикие, скалистые ущелья, разделенные крутыми, круто падающими отрогами. Справа и слева от основного гребня возвышаются значительно более низкие две отдельные конусообразные вершины, отделенные от гребня глубокими седловинами. В западной седловине виден пожелтевший участок альпийского луга. Внизу в одном-двух местах видны небольшие колки лиственничного леса, низкого и корявого по рассказам. Все вместе дает мощную и суровую картину, не скоро забываемую, особенно, когда за ребристые бока массива цепляются рваные облака, а оснеженная вершина блестит под утренним солнцем. Северные ущелья Бурхан-будды соединяются и открываются в круглую болотистую котловину, откуда вытекает ручей Намалцзаха, прорывающийся затем через холмы предгорий Бурхан-будды и сворачивающий около нашей стоянки, напротив моего наблюдательного пункта, на восток, в Халюнскую долину. Таким образом основной тальвег западного склона (гораздо более длинного, нежели восточный) седловины между Биггэрской и Шаргаинской впадинами начинается ущельями северного склона Бурхан-будды и идет сначала на север, проходит через болотистую котловину, ручьем Намалцзаха сворачивает на запад, сухой долиной идет до Халюна; здесь снова появляется вода, скоро исчезающая; далее идет сухой спуск в Шаргаинскую впадину, а затем вода вновь появляется на поверхность в виде Шаргаин гола, заканчивающегося Шаргаин цаган нуrom, который и является конечным звеном всей этой системы. <...>

Общая длина всей системы - <...> км. Падение (от вершины Бурхан-будды до Цаган нура) – не менее 2500 м, от Намалцзахи до Цаган нура – 700-750 метров.

Падь Цэцэрэнг как бы отделяет массив Бурхан-будда от дальнейших к западу массивов Алтая. Северо-восточным барьером Бурхан-будды со стороны Биггэр нура служит гряда холмов, довольно широкая, идущая в северо-западном направлении. Высокая ее часть заканчивается моим холмом. Холм этот соединен узкой и низкой перемышкой-гребешком, где размывы обнажают красную глину, с упомянутой выше грядкой Гурбан худуг. Эта линия и служит границей Намалцзаха – Халюнской долины. К северу от этого холма лежит широкая равнинка, покатая к Биггэру и отделяющая здесь холмы Халюнской долины от гор Дулан-хара – передового барьера Тайширского хребта. На западе равнинка эта сужается и перегораживается холмами. Водосток к Биггэр нуру сомнителен, так как на востоке она почти перегорожена северным пониженным отрогом той же холмистой гряды Оши. Кроме того налицо желтое пятно тойрима. Равнинка эта отделена от Намалцзахи лишь упомянутым низким размытым гребешком красной глины, который и представляет собой, таким образом, перевал из Биггэра в Шаргу.

Долины же, разделенные им, параллельны и “валетообразны”, т.е. стоки их направлены в разные стороны. Шара цзам пересекает гряды холмов Оши (условное обозначение) у подножья моего холма, сейчас же к югу от него, идет пологими холмами и замкнутой долиной между ними на восток и км в 10 выходит к красным глинам Сайн булага.

С этого же холма была видна довольно хорошо гряда Сэрхэ Богда, Тайширский хребет и г. Дулан-хара. Около болотистой котловины Намалцзахи стоит дугун - один храмик. Ночевали мы в юрте, довольно зажиточной.

21/VIII утром двинулись в обратный путь, решив не спускаться к Биггэру, а взять к Дуту даба напрямки, через Дулан хара. Это было тем более важно, так как необходимо было посмотреть варианты прямого пути Дуту даба - Халюн. Легко перебравшись через речку Намалцзаха, мы без труда взобрались на глинистый гребешок и без дороги поехали поперек равнинки, направляясь к понижению в горах Дулан хара, где видно было устье значительного ущелья. Плохой дорога стала лишь близ этого последнего, где стали попадаться русла с обрывистыми краями и бэль был очень каменист. По ущелью стали подниматься вверх. Горы Дулан Хара совсем гобийского характера и очень подходят для обитания как янгеров, так и аргали. Путь по сайру, а частью и по обочинам, был вполне доступен для нашего автомобиля.

По дороге близко видели крупного волка, и конечно, по нему промазали. Через несколько км ущелье раздвоилось и мы поехали левым, западным ответвлением (правым по течению).

Горы по сторонам снизились и наконец мы выбрались на северную окраину Дулан хара. К удивлению ущелье не оказалось прорывом, а отделено от равнины Хучжиртуин тала маленьким перевальчиком-барьером. Таким образом ущелье это находится в стадии, предшествующей образованию прорыва, причем размыв идет главным образом с юга, в его вершине.

В нижней части ущелье называется Цаган дэрис, в верхней – Хутул Шанда (?).

Проехав поперек равнины Хучжиртуин тала, мы въехали в устье ущелья Хучжирту ама, откуда я еще раз осмотрел местность. Здесь маршрут Шаргинского разъезда сомкнулся с маршрутом Баян тухум – Хан Тайшири. Немного западнее пересеченного нами перевальчика видно устье уже настоящего ущелья-прорыва Хацабчи, уходящего по-видимому, на юго-запад. Нижний конец его, возможно, выходит где-нибудь неподалеку от Хоримту и Халюна, но навряд ли открывается в пересеченную нами равнину (Сэгсэгэйн тала?). На запад Хучжиртуин тала уходит еще км на 10. Где-то в том районе находится монастырь Хамбо хуриэ. Горы около Хацабчи носят уже другое название – Маран нуру.

Уже известным путем мы проехали к Наран сумунской палатке, остановились там, затем поднялись на Дуту даба, на этот раз беспрепятственно, и скоро были в Хан Тайшири.

Шаргаинский разъезд был окончен.

В результате я довольно подробно ознакомился с Шаргаин гоби и седловиной между ней и Биггэр нуром, уяснил себе распространение Тайширских лесов, земледелия Алтайского аймага, было подобрано место для нового аймачного центра – Халюн, сделана топографическая съемка, охватывающая <...> кв. км. Длина маршрута разъезда получилась свыше 300 км, почти 200 миль.

Все это было очень удачно. Хан Тайшири хуриэ нас не задержал. Относительно обратного пути пришлось подумывать. Было решено ехать на Цэцэрлиг через Цаган Олум, Цзаг и Эгин даба.

Писание отчетов, докладов, черчение съемки и устный доклад в аймаге заполнили 21, 22, 23 и 24 августа. Выехать в дальнейший путь мы смогли лишь 25-го.

Аймачные власти вполне одобрили наш выбор места для центра и составили в таком духе постановление, направляемое в Уланбатор.

Таким образом эта задача в отношении малознакомого мне Алтайского аймака была также благополучно разрешена.

Маршрут Хан Тайшири - Цэцэрлиг

25-/VIII, мы после полудня выехали из Хан Тайшири по направлению к Цаган Олуму, т.е. почти на север. Хорошо накатанная автодорога ведет сначала заметным спуском вниз по ровной типично ковыльной степи. Спуск этот преграждается грядой холмов, у южного подножья которых, правее дороги, находится несколько маленьких озерков (Олон-нур). На север открывается еще с самого Хан Тайшири широкий вид на предгорья Хангая, находящиеся внутри большого изгиба р. Цзабхан. Узкая долина этой последней только чувствуется, так как закрыта мелкими нагромождениями гор и холмов. В сторону Хангайской магистрали Цзабханские горы (хороший термин!) постепенно повышаются и вдали видны уже настоящие гольцы, только что покрывшиеся снегом. Вообще за все время нашего пребывания в Хан Тайшири над Хангаем постоянно стояли тучи и лил дождь. Вершины Отхан Тэнгри не видно. Южная часть Цзабханских гор имеет расчлененный, размытый вид, не давая какой-либо определенной орографической схемы. На С.-З. горы эти почти смыкаются с холмами предгорий Хасагту Хайрхана, будучи отделены лишь узкой долиной р. Цзабхан. На В.-С.-В. же намечается повышенная волнистая равнина.

Холмы дорога огибает слева, с запада, следуя восточным краем поросшего дэрисом русла-долинки с ключевинами, направляющегося на север. Обогнув и вторую гряду холмов, дорога переходит на западную сторону русла и выбирается на небольшую равнину. Растительность здесь делается полупустынной. Попадаетеся заморенный багалур, тана. Спускаясь все ниже и ниже дорога пересекает небольшой ключик, текущий с запада, и приближается к размытым холмам и оврагам, сложенным осадочными породами. Начинается хорошо заметный спуск к Цзабхану, сначала ущельем, после которого дорога пересекает автотракт Чжиргаланту – Уланбатор, весьма основательно накатанный. Станок Цаган Олум был расположен в стороне от него, на расстоянии 5 км, на самом берегу р. Цзабхана, куда ведет сильный спуск. На станке несколько юрт, столовая. Вода на Цзабхане была большая. Мутная река быстро несла свои воды по галечному руслу, подмывая низкие берега. Долина Цзабхана в этом месте узка, обставлена расчлененными горами и холмами, и довольно глубоко врезана. Как к северу, так и к югу идут заметные подъемы. Пробыв некоторое время на станке, мы вернулись на главный тракт и поехали по нему на восток, огибая луку Цзабхана на некотором расстоянии от реки. Шел постепенный волнистый подъем по слегка холмистой и волнистой местности. Встречались стада цаган цээрэ и даже (!) пара хара султ.

Растительность большей частью полупустынная, с переходом к обедненной и степной. За плоским степным перевалом дорога свернула к С.-В., начался спуск и вскоре мы снова оказались почти на берегу Цзабхана. Южный берег реки здесь холмист, северный берег – горист. Долина реки по прежнему глубоко врезана. На самой реке небольшие заросли бургасника, много юрт. Местность довольно красивая.

Проехав немного вдоль реки, мы снова сдали к востоку, взяв небольшой подъем, выбрались на плоскогорье и покатали по ровной степи. Стемнело и подробности этого участка таким образом от меня ускользнули. Растительность снова стала степной. Появился в большом числе прекрасный ковыль. По дороге то и дело сумасшедшими мячиками металась в полосе света автофар тушканчики. Чувствовалось, что идет постепенный подъем по волнистой степи. К северу от дороги все время темнели холмы и горы, к которым мы под острым углом и подъезжали. Наконец начались холмы и заметный подъем. Через несколько км мы стали на ночевку на станке Баян Хонгор, проехав от Цаган Олума около 150 км.

Станок Баян-хонгор расположен в гранитных холмах обширного гранитного поля, на небольшом тут же вытекающем из-под холма, ключике. Небольшое озерко – лужа, на котором оказалась, помимо всего прочего, пара снежно-белых колпиц. Для засечек я поднялся на один из холмов, откуда открылся довольно широкий вид на юг и юго-запад. Баян-хонгор находится почти на меридиане восточной оконечности хр. Сэрхэ-Богда, который был хорошо виден на всем протяжении. Гранитное поле, сильно снижаясь, тянется далеко к югу и почти достигает Сэрхэ. Оно производит впечатление наплыва со стороны Хангая, с С.-В., снижаясь как на юг, так и на запад. Сам хребет Сэрхэ имеет с севера совершенно другой вид, нежели с юга. Он низок (следовательно Биггэрская котловина значительно ниже равнины к северу от Сэрхэ), сравнительно мало изрезан и вообще имеет более мягкие формы, ничем не отличаясь по характеру от северных склонов более высокого Тайширского хребта. Последний также виден весь, до Хапчигин даба, но в 3/4. Хасагту Хайрхан также виден весь. Это трио хребтов образует дугу, выпуклую к Ю.-З. Пространство между этой цепью, Баян Хонгором и Цзабханом представляется холмистым и волнистым плоскогорьем, имеющим скат к Цзабхану.

Наинизшая точка водораздела Цзабхан – Южная Озерная котловина находится, по-видимому, где-то на меридиане восточной оконечности Сэрхэ, невдалеке от этих последних гор, между ними и южной оконечностью гранитного поля. За восточной оконечностью Сэрхэ видны горы линии Даглант - Эрдэни. Чувствуется, что тальвег Озерной котловины действительно уходит за Сэрхэ, к Биггэр нуру.

К северу от Баян Хонгора холмы повышаются, появляются отдельные небольшие массивы, сложенные уже не гранитом (по-видимому). Словом, начинаются настоящие предгорья Хангая. Растительность вокруг – типично степная, даже частью, пожалуй, горностепная. Подъем от Цзабхана значительный.

От Баян Хонгора дорога идет на запад, все по тем же холмам, среди которых встречаются небольшие долины с хорошей степной растительностью. Севернее дороги все время видны отдельные небольшие массивы, преимущественно широтного направления. Сайры все имеют сток к югу. Км через 17 от станка дорога пересекает полосу “густых” холмов по узким ущельцам между ними и здесь она местами косогориста. Далее открывается небольшая равнинка с большим сайром в восточной части, открывающаяся к югу. Здесь с дороги снова видна Алтайская цепь, начиная с Сэрхэ и почти до Баян Цагана. Алтаин нуру был оснежен. Подробности разобрать трудно, но, по-видимому, видна как северная низкая ограда, так частью и основная цепь. Подробностей пространства между Алтаем и Хангаем не видно, но в ту сторону, к югу, здесь, по-видимому на большое расстояние, идет равнинный рукав. Словом, на маршруте, скажем Цэцэрлиг - Биггэр с тракта следует сворачивать именно в этом месте.

При проверке по съемке оказалось что с точки наблюдений на описываемой равнинке действительно виден Баян Цаган. Далее дорога идет еще несколько километров к востоку в прежнем направлении по долинам, причем пересекает еще один сайр, по которому в момент нашего проезда текла порядочная речка – очевидно результат дождей (Убур Чжиргаланту?). Почти поравнявшись с остающейся к Ю.-В. порядочной плоской вершиной-массивом, видимой еще с окрестных Баян Хонгору холмов, дорога делает довольно крутой поворот к С.-В. и подымается около 15 км по спускающейся с севера долинке, в вершине которой подымается на небольшой перевал, затем огибает подошедшую с запада довольно высокую гряду и спускается в долину. Внизу ключ. Здесь мы встретили первые после Баян Хонгора юрты. До Цзага оставалось недалеко и около полудня мы были уже там. Местность между описанным перевалом и Цзагом схематично такова: 4 перевала (о первом уже сказано) и 3 широкие и плоские долины между ними. С четвертого перевала идет спуск уже к самому Цзагу. Названия первой долины не знаю. Вторая называется Гурбан булаг (ключ). Здесь раньше находилась тамга хошуна Богдо-Марал ула. Теперь сумун, кажется того же названия, что и ключ. Много аккуратных юрт, постройка. Верховье этой долины не очень далеко от дороги (км 15). Там виден очень оригинальный с виду,

относительно невысокий, округлый гонец розового цвета, а может быть просто гора, имеющая случайно гольцеобразную круглую форму; последнее впрочем сомнительно. Далее за узким гребнем идет новая долина, такая же широкая и плоская. Тоже ключ, название – Хобур (Ногон хобур?). Юрты. Долины эти, как и разделяющие их гребни, направлены, в общем на юг. Но вообще разобраться в местности как следует я не смог. Да и трудно сделать это, быстро двигаясь по хорошей дороге, торопясь все вперед и останавливаясь лишь для того чтобы наспех сделать 2-3 засечки – лишь бы не потерять маршрут. Только и осталось в памяти – широкие размытые степные долины и относительно невысокие каменистые горы между ними. Отмечу кроме того, что выше, севернее тракта, горы заметно выше и “сгущеннее”. Там выделяются отдельные массивы. Южнее горы мельчают.

С последнего перед Цзагом перевала открывается более обширный и определенный вид на восток. Горизонт закрыт могучим гольцовым валом - водоразделом между истоками Байдарага и Цаган Туруты, начинающимся от вершины в истоке Дабату Сэнчжит (см. мой дневник и съемку 1928 г.). Севернее его намечается провал-седловина Эгин-даба. Вал этот, на котором насажена шапка Ягачин таг – не знаю, впрочем, она ли видна с данной точки, необходимо проверить по съемке, - довольно короток и быстро снижается. Намечаются глубокие, постепенно сближающиеся к югу впадины – долины Байдарага и Цзага. Хорошо виден клин гор между ними, высокий, с гольцами на севере и быстро сходящий на нет к югу, к стрелке – слиянию обеих рек.

Пологий и довольно прямой спуск по степной долине скоро привел нас к станку Цзаг Байдараг, расположенному на высокой террасе правого берега реки, почти в устье долины, по которой мы спускались. Имеется несколько деревянных построек. Управление Цзаг сумуна (в юртах), первичка МНЦК (усадьба), отдельной усадьбой лавка-палатка СТМ, станок Монголтранса (в юртах).

Мы стали своим лагерем около станка. Вода в Цзаге была большая и было решено несколько переждать. Я ходил в экскурсию за укусными площадками.

Во время экскурсии я еще лишний раз отметил, что овцы пасутся по крутым склонам с самым мелким травостоем, рогатый же скот держится внизу. Лошади тянут к середине.

27/VIII утром наши шоферы (от Хан Тайшири мы ехали с дряхлым “Додж”-иком МНЦК “последней марки”, на котором ехал из Хобдо заведующий Хобдоским отделением Банка) попытались перебраться через Цзаг в разных местах - и оба сели. Особенно глубоко села наша машина,

попавшая под очень сильную струю - человека около нее буквально сбивало с ног. Пришлось звать быков, благо на другом берегу стоял караван. Провозились почти целый день и проторчали в воде порядочно. Вода нахлестала мне ноги до того, что они покраснели и потом дня три саднило. Вдобавок вода была совсем не теплая. Нашу машину в воде быки сдвинуть не смогли, главным образом потому, что их самих вода сбивала с ног. Шуму и возни было достаточно. На другом берегу пришлось разбивать майхана и устраивать основательную сушку динамо автомобиля и прочих вещей. За этим мирным занятием пришлось провести весь день 28-го. Тронуться далее мы смогли лишь утром 29-го августа. Задержка эта помогла мне продвинуть дневник и съемку.

29/VIII утром, не очень рано, мы двинулись дальше. Долина Цзага в этом месте широка и плоскодонна. Река бьет под правый обрывистый берег. Растительность долины – мелкотравный полуболотный луг, переходящий под левым краем долины в ковыльковую сухую степь. Такой характер долина р. Цзага сохраняет, по-видимому, на большом протяжении вверх. Местами в долину эту впадают большие сухие степные пади, наподобие той, по которой мы спустились к станку. По пересечении долины Цзага, дорога двумя подъемами переваливает снижающуюся часть горного клина между Цзагом и Байдарагом, и спускается в долину последнего. По дороге отмечу пышную ковыльную степь, почти годную под сплошную косьбу. Долина Байдарага несколько уже долины Цзага, более заболочена. Вода в реке стояла на высоком уровне, но помогло нам то обстоятельство, что в месте брода разлив реки большой и она делится на 4-5 рукавов.

Обычная дорога пересекает Байдараг бродом чуть выше устья долины Ногон хундэй, вверх по которой и направляется к Эгину. Новый же брод расположен выше на несколько км. Повозились в речке мы весьма основательно. День был холодный с дождиком. Наши авто по очереди садились, по очереди вытаскивали друг друга и в конце концов благополучно перебрались на левый берег реки. Пришлось отогреться в юрте.

Далее дорога пошла перпендикулярно реке по широкой степной пади, имеющей почти общую вершину с Ногон хундэй. Падь эта, таким образом, отсекает, изолирует каменистую гору – водораздел Ногон хундэй – Байдараг. Везде прекрасный ковыль. В вершине пади мы выехали снова на основной тракт и повернули по нему на С.-В., к Эгин-даба. Нетрудным подъемом мы поднялись на водораздел третьего порядка, за которым спустились к речке, берущей начало непосредственно с гольцового вала Ягачин-тага. Здесь машина отказалась работать и мы доехали до станка

Улан-чулу на “Додж”-е. Пройденный перевальчик имеет характер гладкого степного вала. За речкой дорога огибают каменистый, гладкий сверху мыс и подходит к станку, стоящему на следующей речке, текущей с того же гольца. Здесь уже начинается ледниковый ландшафт. Речка завалена валунами, ее широкая долина заболочена, всюду сочится вода. Немного ниже дороги обе речки сливаются и текут в Байдараг одним руслом. В вершинах их видны кое-где маленькие клочки лиственничного леса. “Ковыльный” пейзаж кончился. Началось ледниковое высокогорье. На Улан-чулу мы заночевали, авто МНЦК ушел на помощь нашему и в сумерках оба вернулись. Оказывается феродо сильно замоченного в Байдараге диска слиплось, отдралось и превратилось в муку. Сцепление прекратилось. Сменили диск и все снова стало в порядке.

Вечером шел основательный дождь, и утром гольцы были под снежком. Автодвижение на этом участке почти остановилось из-за рек и на Улан чулу скопилось большое число пассажиров - учителей со съезда и женделегаток. Вечером подошел “Шевроле” Минпроса.

30/VIII утром двинулись брать Эгин даба. Сразу же за каменистой речкой взяли подъем на новый водораздел третьего порядка, затем пересекли еще одну речку, берущую начало все с того же гольца. Чем выше, тем четче делаются остатки работы ледника в виде боковых морен, уже ясно отличимых. Дорога в достаточной степени камениста. За третьим водоразделом третьего порядка, таким же волнообразным, дорога пересекает речку, текущую уже с седловины Эгина и правым, западным ее берегом, большей частью по боковой морене, начинает подниматься к перевалу. К камням присоединяется гольцовое болото.

Дорожные работы здесь еще не производились и пробираться было трудновато. Одолев последний невысокий взлобок, мы оказались на плоской болотистой и каменистой широкой седловине Эгина. Объезд по гольцовому кочкарнику в стороне от грязнейшей дороги – и наши авто у обо Эгина. Отсюда открылся столь знакомый еще по 1928 году пейзаж – вершина Сэнчжит, Гурбан Ангархай, Ботогон и скалы устья Йолы.

Съемка сомкнулась со старым маршрутом и в дальнейшем я ограничился лишь записью расстояний. На Эгин мы поднялись около полудня. Погода была солнечная, ясная. В тени термометр показал лишь +5°C. Соседние гольцы были припорошены свежим снегом. Гольцовая осоковая растительность уже вся пожелтела. Воздух стоял кристально чистый, холодный, бодрящий. Быть в это время в горах, на вершинах – одно наслаждение. Остро чувствовалась вся прелесть осенних странствий.

Схематизируя участок пути Байдараг – Эгин, можно сказать

следующее: крутой, рассыпистый склон гольцового вала-водораздела второго порядка (условно Ягачин таг) между Байдарагом и системой Цаган-Турута выдвигает к Байдарагу 4 валообразных гладких мыса-водораздела третьего порядка. Второй с юга мыс короток и дорога огибает его снизу. Остальные мысы протягиваются к Байдарагу и ниже дороги развиваются в скалистые и каменистые горные группы. Эти валы-мысы разделены более или менее широкими болотистыми долинами речек, берущих начало в узких и очень крутобоких типичных гольцовых ущельях западного склона гольцового вала водораздела второго порядка. Ниже, там где мысы развиваются в горы, долины речек, как-будто, снова сужаются. Таким образом в разрезе получается следующая картина: <...>

Следовательно подъем от Байдарага по Ногон хундэй сразу, по-видимому, приводит к первому с юга мысу, а дальше идет уже описанная выше местность.

Гольцовый вал, условно обозначаемый мною названием Ягачин таг (здесь он носит как будто название “Хара-модоту-таг”) короток и скоро обрывается. От места слияния Цзага и Байдарага почти перпендикулярно ему идет широкая степная долина, выводящая малозаметным (по-видимому) перевалом в систему р. Цаган Турута. В районе перевала имеется порядочное соленое озеро. Этой долиной идет старый автотракт, так называемый “Южный Улясутайский” или “Гобийский”. Таким образом в районе истоков Байдарага и р. Цзаг южные склоны Хангая характеризуются сравнительно слабым развитием гольцовых водоразделов второго порядка, широкими и плоскими речными и сухими долинами, разделенными относительно невысокими каменистыми гребнями горно-степного типа. Этот же характер сохраняется и в районе бассейна р. Утаин гола, в окрестностях мон. Дашидогун (Баян Хонгор). Дорожные работы Монголтранса подошли уже к гребню Эгин даба с северной стороны и спуск не представил затруднений. Далее дорога пошла левым берегом р. Ботогон, следуя большой луке этой речки, по левой боковой морене.

Около стрелки Ботогон - Йола, составленной исключительно моренными нагромождениями, построен мост через р. Ботогон и дорога переходит на правый берег, почти против слияния Ботогона с Йолой. Справа же дорога огибает и исток Чулуту, пересекая почти незаметную здесь (ушедшую в почву?) рч. Бугуту. Далее дорога идет все время правой стороной р. Чулуту, вдоль западного крутого края Галутуин тага. На этом крутом склоне хорошо заметны 2-3 ступеньки-борозды, вероятно оставленные разными уровнями ледника. В 1928 г. они, кажется, остались мною незамеченными. Против впадения в Чулуту с запада долины Цаган Сайр со стороны Галутуин тага выдвигается скала-бом, под которую и

бьет Чулуту. Здесь, для обхода этой скалы, приходится дважды переезжать рч. Чулуту. Броды неглубокие и мы одолели их благополучно. Перед устьем Галуту дорога, шедшая до этого непосредственно по плоскому дну долины Чолутэ, взбирается на моренно-холмистую окраину Галутуин тага и в дальнейшем идет этой окраиной, делая петли, подъемы, спуски и иногда выходя снова к Чулуту. Переправу-брод через Галуту мы прошли без затруднений. Не доезжая устья р. Ульцзэйтү (?), мы спустились с морены в расширение долины и стали огибать северную оконечность Галутуин тага, оставив к С.-З. обособленную горку, стоящую в районе стрелки Чулуту - Хурмэин гол. Довольно крутой подъем вывел нас на мыс, протянувшийся от горки Цогту Хайрхан к Хурмэин голу, спустившись откуда мы подъехали к этой реке. Мост через нее еще не был готов. Вода была большая. Хурмэин гол вообще самый многоводный из истоков Чулуту. Пришлось звать быков. Рядом оказался аил моего старого знакомого Долгорчаба, откуда мигом пригнали огромных хайнаков. Мы, как говорится, ахнуть не успели, как обе машины оказались на том берегу. Особенно интересно было с “Додж”-ем, которого быки поперли рысью, бултыхнули с обрывистого берега в яму и прежде чем шофер успел раскрыть рот, уже подняли на противоположный берег. Солнце закатилось. Спутники с машинами ночевали недалеко от станка Бумбату, у строящегося моста, а я в юрте Долгорчаба. Говорили мы на разные темы долго и уснули поздно. Приятно было чувствовать себя почти в “родных” местах. Оснеженный Харлагский кряж, лесистая Бумботу с цирком и характерной скалой-выступом вверху, шишка Сумбэру улы на юге – все это так знакомо.

31/VIII поехали дальше к Цэцэрлигу. Хорошая дорога незаметно вывела нас на Ялатуин дурулчжи, за которым пошел спуск вниз, по Ханую. Разделанная Монголтрансом дорога идет по левому краю долины под горами.

Около Баян-хайрхана брод через Хануй, пустыяковий для автомобиля. Долина Хануя плоскодонна и сильно заболочена. К устью Ара Улалцзая леса почти исчезают. Подъем на перевал местами каменист, но не очень труден. Довольно хороший спуск приводит к знакомой мне во всех подробностях долине Хойту Тамира. Дорога идет левым краем ее плоского дна и перед самым мон. Хан Ундур взбирается на левую террасу, на которой расположен монастырь. За монастырем и поселком дорога отходит от дна долины Хойту Тамира и поднимается на перевальчик через скалистый мыс, упирающийся в реку и закрывающий Хан-Ундур с востока. Далее, продолжая идти на некотором расстоянии от долины реки, дорога пересекает пологий степной скат от гор к этой долине,

открытое устье сухой, большой, но довольно узкой пади Хурай, в вершине которой видны небольшие участки лиственничного леса, оставляет вправо небольшой овраг с котлообразным расширением в вершине, где находится ключ Убур Бахан булаг, и взбирается на пологую же степную седловину. За этой последней идет спуск в новую широкую степную долину Сурту, за которой небольшой подъем приводит к телеграфным столбам и тракту на Таряты. Далее идет спуск к мосту через Хойту Тамир. За мостом дорога по широкой в этом месте долине Хойту Тамира направляется к левому (по течению) краю Арцату ама и идет по ней до устья Шабарту. Впереди невидалеке виден Халцзан даба, падь к Цаган даба и т.д. В Шабарту дорога идет также левым, здесь увальным, краем долины, кое-где исправлена и вообще хороша. Узкая долина Шабарту, густо облесенная по северному склону, очень красива. По речке богатая урема с обилием красной смородины. На лужайках стояли копны сена. В самом интересном месте у нашего “Додж”-а – “последнего слова американской техники” – неожиданно слетело переднее колесо. Пока возились, прошел основательный дождь и возможность одолеть Гурбан даба своими силами стала сомнительной. Действительно, в амфитеатрообразной вершине пади, где склоны представляют собой сплошь сочащееся лесное болото, забуксовала наша машина, а “Додж” просто сел задом в канаву. Благоразумие подсказало взять быков стоявшего здесь каравана с шерстью из Тарят. Наш грузовой “Шевроле” поднялся вполне благополучно, а “Додж” застрял в отчаянном зыбуне, в который превратилась дорога Монголтранса под давлением воды сверху. Интересно было видеть, что кузов сел всей площадью на грязь, а задний мост отошел от него вглубь. Быки вытащить не смогли и машину оставили так до завтра. Тем временем стемнело, полил дождь, в полной темноте мы поставили майхана и мокрые забралась внутрь. Дождь сменился обильным снегом. И вот в 18 км от Цэцэрлига, в ночь под 1-ое сентября, мы ночевали среди совершенно зимнего пейзажа, не скажу, чтобы с большими удобствами.

1/IX утром авто подняли на домкрате, подложили камней, поддали сзади вагой, те же быки выдернули его наверх. Далее дело пошло беспрепятственно. Осторожно спустились по скользкой дороге с перевала, внизу снега уже не было, выехали к долине Урду Тамира и через короткое время были в Цэцэрлиге, с трудом после дождя одолев косогористый и скалистый перевал (от моек) к поселку. Этап Хан Тайшири – Цэцэрлиг был пройден. Погода стояла препаскудная. То и дело шел дождь, либо снег, было холодно и ветрено.

В Цэцэрлиге я застрял более, чем надолго. Прежде всего, в связи с расходами, надо было выписать денег. Деньги я получил лишь 9/IX.

Закупив все что было необходимо, мы выехали 11/IX и ... поломались сейчас же за мостом. При переезде протоки, в камеру сжатия попала вода и вылетело 3 поршня. Началась посылка телеграмм в Уланбатор, попытался съездить туда Вагапов, но вернулся с дороги, так как авто на котором он поехал, также поломался близ Орхона. В результате, в самое горячее время мы сидели, ездили по очереди в Цэцэрлиг и ждали у моря погоды. Поломались мы, правда в хорошем месте – около воды, в уреме Урду Тамира, недалеко от аилов. До Цэцэрлига было всего верст 25. Вынужденно свободное время я использовал, закончив съемку, приведя в порядок выписки по скоту и подогнав дневник.

Кроме того сделал экскурсию на Хойту Тамир, объехав там всех знакомых и вошел в курс тамошних дел. Почти все мои приятели с Цэнхэр гола перекочевали к Цэцэрлигу и живут теперь около моек, на протоке. Бывал я у них неоднократно, ночевал и чувствовал себя, как дома.

Съездил верхом в район Хан Ундур, переночевав предварительно у Чжигижита. До Гурбан даба ехал по автодороге. Погода была хорошая и можно было рассмотреть кое-какие подробности топографии местности за Урду Тамиром. Падь Ихэ Тээли начинается под Субурга Хайрханом и впадает в Тамир, перпендикулярно ему. Широка, хорошо облесена с обеих сторон, имеет правильные очертания, прямое направление, склоны одинаковой небольшой крутизны, вершину широкую, амфитеатром, облесенную. Таким образом речки Могой, Цэнхэр и Ширдэгийн гол почти перпендикулярны ей. Последняя берет начало с С.-В. склонов непосредственно самого Субурга Хайрхана и имеет в вершине ледниковый цирк. Ее южный водораздел представляется мощным обильно облесенным валом, имеющим на гребне зачатки гольца (в своей западной части). Течет Ширдэгийн гол на восток и впадает в Цэцэрлиг (?). Внизу, ниже перевала к Цэнхэрскому Халун усу (Боро тала), были разведки на золото (Монголор). Монголы говорят, что золото было обнаружено, но затем скрыто. Солнопек Ширдэгийн гола – сплошные большие увалы.

К северу от Субурга Хайрхана отходит плоский отрог с большим гольцовым полем наверху. Истоки Цэнхэр гола начинаются, по-видимому, с этого отрога. Затем Цэнхэр гол течет также на восток и впадает в Цэцэрлиг. Долина его широка, особенно в районе горячих ключей, где она расширяется до небольшой степи (Боро тала).

В истоках Цэнхэра видны красивые скалистые вершины (ниже гольца), расположенные к западу от Боро тала.

На водоразделе Ширдэгийн гол – Цэнхэр выделяется округлая гора – Баян Ундур, увальная с юга и облесенная с севера. С ее северо-восточного склона течет речка, протекающая через Боро тала и впадающая в Цэнхэр

ниже горячих ключей.

Прочие пади направлены на север и составляют часть истоков Цэнхэра. К западу от Баян Ундур с гольцового поля начинается узкая падь Соготу, впадающая в Ширдэгийн гол. Падь Могой впадает в Урду Тамир под острым углом, довольно короткая, обильно облесена в вершине (с северной стороны) и начинается с водораздела Цэнхэр -Тээли. <...> Такова примерно схема²⁵⁾ между Цэцэрлигом, Субурга Хайрханом и Урду Тамиром. Возможны некоторые ошибки. Ширдэгийн гол и Цэнхэр даны по впечатлениям прошлого года (1930 г.), в дневник не записаны.

Поднявшись на автомобильный перевал Гурбан даба, я взял прямой, тележной дорогой. Она пересекает исток Шабарту и подымается на второй перевал. Дорога здесь плоха даже для монгольских телег. Везде сочится вода, каменисто, болотисто. Подъем на второй перевал крут, короток и неудобен. Спуск идет в правую ветвь довольно узкой пади Нарин Улэнтэй, направляющейся прямо на север, к Хойту Тамиру. Спуск весьма крут и каменист. Тип пади обычный. Левая сторона верхней части облесена, ниже лес дробится на колки и внизу вовсе исчезает. Правая сторона сплошь увальная. Спустившись вниз примерно до середины пади, я свернул к западу, на крутой перевальчик к Ихэ Улэнтэю. Подъем на перевальчик крут и доступен разве только пустым телегам. С него открывается широкий вид на долину Улэнтэя, водораздел обоих Тамиров с гольцами Халтар булу и Хан Ундур, часть долины Хойту Тамира с хурэ Хан Ундур. Все это было мне в достаточной степени знакомо.

Улэнтэй образуется из нескольких речек, начинающихся в лесистых падах пониженной части водораздела обоих Тамиров. Из них лишь самая западная течет с гольца Халтар булу. Средняя часть долины Улэнтэя широка и заболочена. Ниже, перед впадением в Тамир, долина эта суживается. К западу от Улэнтэя водораздел высыпает к Хойту Тамиру низкий холмистый отрог, заканчивающийся скалистыми, обрывистыми к Тамиру двумя вершинами. Между ними находится небольшая широкая степная падь Бахан булаг, с небольшим озерком. Этот раздвоенный низкий безлесный холмистый отрог соединен с главными склонами водораздела, обильно облесенными, узкой и низкой седловиной. Далее к западу главные склоны этого отрога непосредственно переходят в долину Хойту Тамира. Я проехал через восточную ветвь отрога, мимо озерка и устьем пади Бахан булаг спустился к Тамиру. Проехав вверх по нему до устья балки Убур-Бахан-булаг, я переехал вброд Тамир и поднялся к

25) Рисунок схемы отсутствует в доступной составителям копии оригинала (*прим. сост.*).

ключу в верховье этой балки, где жил мой приятель Дугарчжаб. У него я задержался недолго, так как торопился доехать до Шама. Далее я проехал мимо монастыря Хан Ундур и бывшего хошунного управления, переехал снова Тамир и знакомой дорогой полегоньку потрусил вверх по долине. Стало уже темнеть, когда я подобрался к устью Мухура. Заехав в юрту, я узнал, что Шамай живет выше, в устье Хатугин ама. Пришлось ехать дальше по уреме, под сильным дождем и в полной темноте. Память с 1928 года не изменила и устье пади я нашел легко. Показались столь приятные в такую скверную погоду огоньки и через несколько минут я оказался в юрте у Шама. Начались расспросы, разговоры, затянувшиеся до поздней ночи.

Хозяйство Шама. Верховья Хойту Тамира. Он держит 4-х сарлыков-быков для кочевков. Извозом не занимается, поэтому больше ему не надо. Для молока 6 коров сарлычек. Он считает, что для этого места монгольский скот уже не совсем подходит, кроме того сарлыки лучше переносят цзут. В извоз сарлыки, как правило не ходят. Хайнаки лучше всего, но дороги. Сдохнет один – большой убыток.

Коз держат главным образом ради молока – они в сумме дешевле коров при соотношении (5 коз по молоку равны одной корове).

Коней Шамай держит – один-два для пастьбы скота, два для разъездов. Увеличивать это число нет необходимости.

Лошадей раньше разводили ради кумыса и для заработка на урточной службе, так что нерентабельным видом скота их считать нельзя. В настоящее время наиболее рентабельными видами скота Шамай считает крупный рогатый скот и баранов.

Утром следующего дня я выехал в обратном направлении, переехав сразу на северный берег Тамира, так как хотел еще заехать к Бальчжинеме, юрта которого стояла близ Хайрхана. Дома его не оказалось, он уехал на собрание. Первая жена его умерла. Вторично он женился неудачно – жена ушла, теперь взял молоденькую и пока доволен, но о первой жене вспоминает с грустью, как о “настоящей”. Его я застал в Хан Ундуре и с час проболтал с ним о разных делах и жизни района. Затем заехал и напился айрагу в хурене у Цеден Дамба габчжу, который поджидая кого-то, важно сидел на олбоках в чистой и богато убранной тибетскими сукнами юрте. Такая обстановка в соединении с хитрыми речами безусловно должна производить впечатление. После этого, уже под вечер я направился в Бахан булаг к Дугарчжабу, где и заночевал, так как вечером пошел дождь. Утром без особых приключений выехал несколько другим путем – обогнул холмистый отрог Халтар булу с запада и под лесом, через седловинку, мимо моей стоянки 1928 г., выехал на Улэнтэй.

В день моего приезда было представление артистов Госцирка СССР, собравшее много народу и прошедшее с большим успехом. Стрельба, акробатика, жонглерство.

Представление проходило под навесом большого открытого майхана, публика сидела под открытым небом.

Накануне артисты хоронили одного из товарищей, умершего здесь в Цэцэрлиге от, кажется, менингита. Место для могилы было выбрано очень удачно – холм к югу от Цэцэрлига, откуда открывается вид на поселок, монастырь и окружающие скалистые, облесенные горы. Картина живописная и не совсем обычная.

* * *

Предпринятая мною охотничья экскурсия дала представление о небольшом новом участке страны к югу от Хойту Тамира. Прежде всего необходимо отметить, что на участке между скалистым мысом ниже Мухур Тээли (у его устья) и скалистым же островом на правом берегу Тамира, ниже моек, горы отступают от правого берега реки и образуют широкую (около 2-3 км) и ровную степную (*Stipa*) террасу. На этой террасе имеются следы очень старых оросительных канав. Галечные площади на ней мною не отмечены. Возникает предположение о возможности организации здесь крупных посевов. Плюсы: 1) Тамир, 2) близость Цэцэрлига, 3) возможность устройства плотины в Тамирских “воротах” и, следовательно, регулирования водоснабжения.

Об этих воротах следует сказать особо. Образованы они мысом, отгораживающим Цэцэрлиг от Тамира и упомянутым скалистым островом-останцом. Расстояние между ними невелико, и у цзаинцев уже появилась мысль о “Тамирстрое”. Плюсы постройки плотины: 1) орошение упомянутой площади, 2) установка электростанции для освещения Цэцэрлига и для снабжения электроэнергией небольших полукустарных мастерских аймачного масштаба, мельницы и лесопильной установки.

До этого времени серьезных разговоров о возможности как сооружения плотины, так и посевов, по-видимому, не было. На этой же террасе находится несколько больших, хорошо сохранившихся кэрэксуров. Поднявшись по короткой, безводной в обычное время, облесенной вверх пади (Мухур Могой?) мы перевалили в Ихэ Могой, взяв влево. Ихэ Могой изгибается и вершина его, носящая название Олон нурин гол, не направлена перпендикулярно Ихэ Тээли, а отклоняется к югу. Берет начало она со скалистой, богатой россыпями (гранит?) вершины Улан чулу, являющейся водоразделом Цэнхэра, Могоя и Ихэ Тээли. К северу от этой вершины расположена плоская болотистая седловина - перевал между верховьем

Олон нурин гола и крайним восточным истоком Ихэ Тээли, падьо Хонгилин байца. Эта последняя, имея расширенную довольно пологую и болотистую вершину, в дальнейшем суживается и имеет в средней своей части очень крутое падение. Ее левый водораздел, начинающийся от Улан Чулу, несет на себе небольшую скалистую вершину Обогор хара и заканчивается большой округлой горой Шара булу. Гора эта как бы запирает собой с юга широкую долину нижней части Ихэ Тээли. Выше слияния с ручьем Хонгилин байца эта речка, огибая Шара булу, сильно суживается, ее тесно обступают горы и она скрывается с глаз. Кроме Хонгилин байца она имеет еще несколько вершин. Линия Улан Чулу - Субурга Хайрхан служит уже водоразделом между Цэнхэром и Ихэ Тээли.

Ниже устья Ихэ Тээли (устья долины, а не речки, потому что последняя долго следует параллельно Тамиру и впадает в него около уже упомянутого скалистого мыса ниже Мухур Тээли) в долину Урду Тамира впадают еще Нарин Тээли и Мухур Тээли. Обе эти пади коротки (особенно последняя) и почти безводны. Ниже Хонгилин байца Ихэ Тээли получает еще один приток справа – порядочный в данном году ручей, имени которого я не знаю. К северу от перевала Олон нурин гол – Хонгилин байца расположена вершина со скалами и россыпями. Ее имя – Хонгил. С нее хорошо виден Субурга Хайрхан и плато к северу от него, откуда берут начало пологие вершины речек (истоки Ихэ Тээли?). На убуре Хонгиля мы убили изюбря. Такова географическая схема поездки. Интересен факт осеннего глухариного тока. Далее, нам очень повезло, так как при сравнительно небольшом количестве изюбря в Хангае вообще, в районе нашей охоты собралось не менее 5-6 быков, частью с матками. Ревели они почти круглые сутки, за исключением, может быть, нескольких часов в середине дня.

Коз в районе очень мало, в особенности по сравнению с Хэнтэем. Возможно, некоторую роль сыграла тяжелая весна этого года. Кабаньи следы нередки.

Монголы говорят, что и в Олон нурин ама когда-то русскими велась разведка на золото.

Лесная растительность сплошь лиственница. В верхнем поясе примесь кедра, лишь местами значительная. В долине Олон нурин гола отмечен остров ели. Сосны местные жители не знают совершенно.

Лес довольно густ, но качество его нельзя признать сплошь хорошим. Деревья, в общем малорослы и сучковаты. Словом оценка та же, что и в 1928 году относительно Хан Ундурского массива (см. мой дневник). Вверху по болотистым долинам речек - тальник и ерник. Увалы развиты сильно, как и везде в Хангае, но, вместе с тем и лесной покров представляется

достаточно мощным и ни в коем случае не угнетенным. Долина Ихэ Тээли особенно богата хорошими кормами. Во всем районе, где возможно, - сенокосы (Ихэ Тээли, Олон нурин гол и др.). Сена было накошено много.

На источник Боро тала мне попасть не удалось и я ограничился кое-какими расспросами по этому поводу. Пока я собирался, прислали поршни и надо было собираться и уезжать. Поршни, между прочим, не подошли и их пришлось обтачивать на случайно нашедшемся токарном (по дереву!) станке. В последний момент перед отъездом на юг я получил телеграмму, вызывающую меня в Уланбатор.

Из Цэцэрлига я выехал в Улан-Батор, где задержался, впрочем, всего на сутки и вместе с гидрогеологом П.М.Васильевским на его автомобиле выехал на юг, в Баян тухум.

Прожив в последнем несколько дней, мы с М.А.Симуковой приняли участие в небольшом разезде на восток, совместно с П.М.Васильевским и геологом З.А.Лебедевой.

13-Х выехали в разезд вокруг Цзун Сайхана на “Бьюике” в составе П.М.Васильевского, З.А.Лебедевой, М.А.Симуковой, Цэбэга, меня и шофера. Ехали сначала по Шара-цзам. От Баян тухума ведет постепенный подъем, восточный край тойрима остается южнее. Далее начинаются пологие холмы, идущие от Баян-далая. Разобрать подробно рельеф в этом месте трудно. От Баян далая пошел постепенный подъем по ровной степи к холму Чиндамани, где была сделана небольшая остановка. Около этого холма дорога подходит к самому тальвегу ара хоолая Ихэ Аргалинту. Хоолай этот тянется от западной оконечности холмов Булаган (там перемычка) по прямому направлению к Байшинту, с уклоном в ту сторону. По этому хоолаю есть ряд колодцев, помеченных еще Казнаковым: Чжимэгэр, Утүгэр, Чиндамани, Хобур. Сайры, сбегаящие с района Эхин хутуля, не сообщаются с этим тальвегом, а имеют сток в сторону Баян далая. Далее на восток идет подъем к Цаган голу. Сток района Шара ама направляется, по-видимому, к головному участку Ихэ Аргалинтуского ара хоолая, находящемуся к востоку от Чиндамани. Тальвег здесь, между прочим, несколько расширяется. От Чиндамани мы свернули по прямому направлению на Цаган гол, без дороги. Вскоре попали на тропу, по которой ехали в прошлом году, и без затруднений добрались до ключа. Воды в нем гораздо больше, нежели в прошлом году. В дэрисе стоят две юрты. Прикочевали сюда с Охин-хутуля. От ключа мы поехали почти по старым следам 1930 года к восточной оконечности Хурмэина, выбрались затем на Шара цзам и поехали сначала по ней на восток. Вскоре подъехали к гряде низких пологих холмов, протянувшихся от Бага Аргалинту по направлению к Ульцзэйту Ундур. Наметилось подобие прорыва с дэрисом. Колодец

Тугуриг. Далее этот вариант дороги подымается к убуру Ульцзэйту Ундур и уходит, по-видимому, в седловину между ним и Ихэ Номоганом. От этого колодца мы свернули к Ю., вдоль Ю.-В. склона холмов, без дороги. Вскоре выехали на второй вариант этого Шара-цзама, уходящий к кл. Борцзон. Разделяются они, видимо, от Шулутуин хуриэ. Перевалив холмы, дорога эта проходит мимо колодца (название?) и очень скоро спускается в котловинку с ключом Эрдэни-булаг. Ключ этот и был целью нашего поворота к югу, вследствие слухов о каменном угле. Подъехали к нему мы после заката солнца и устроились на ночевку, отложив работу на завтра.

14-Х. Почти весь день пробыли на Эрдэни булаге. Осмотрели его во всех смыслах основательно. Общая картина местности такова.

Ключ этот бьет в самом низком месте впадины, расположенной к югу от Ульцзэйту Ундур. Сюда сходятся сайры с этой группы и большой сайр тальвега долины между Дала-уха и Ихэ Номоганом (вернее его западная часть). К югу идет пологое повышение, составляющее как бы продолжение южного бэля Ихэ Номогана. Ключ начинается среди бугристых песков у восточного подножья окраинных восточных холмов Бага Аргалинту, протекает двумя руслами между отдельных холмов. В дальнейшем эти русла соединяются в одно. Русло это устремляется на юго-восток, проходит (вернее разрывает) две гряды холмов и направляется в убур хоолай Бага Аргалинту. Характер окрестности ключа обычный. Бугристые донные пески с хармыком, немного дэриса, около ключа ирис. Начинается ключ двумя мочажинами и двумя русельцами на расстоянии, примерно, 150-200 м одно от другого. Выпоты хучжира.

Выехали с Эрдэни булага мы поздно, часа в 3 пополудни. Направились без дороги на восток, по направлению к Ихэ Номогану. Доехав с двумя-тремя короткими остановками до северного подножья западной части этих гор, мы свернули на север, к южному подножью гряды Дала уха, к видневшемуся аилу. Аил этот стоял на колодце Гучин, через который проходит северный вариант Шара-цзама. От аила мы поехали обратно по дороге. Как раз против вершины Ульцзэйту Ундур на дороге есть еще колодец. Осмотрев его, мы по той же дороге доехали до Тугурига, откуда свернули по прямому направлению к Цаган голу, где решили ночевать. Этот короткий разъезд дал представление о небольшом участке к югу от моего прошлогоднего маршрута. Основные черты его следующие. Небольшой и невысокий массив Бага Аргалинту расположен на довольно обширном холмистом поднятии. Восточное крыло этих холмов, снижаясь и выклиниваясь, почти соприкасается с пологим, также выклинивающимся мысом, идущим к западу от группы Ульцзэйту Ундур. На месте их стыка в небольшой дэрисунной котловинке и расположен колодец Тугуриг.

Местность к югу от этой линии составляет самостоятельную котловину, наиболее низкое место которой - ключ Эрдэни булаг - расположено примерно к югу от Тугурига, в разрозненных окраинных холмах в части Бага Аргалинтуского поднятия. С юга место это загорожено пологой и низкой холмистой грядой-увалом, служащей как бы Ю.-В. продолжением упомянутого поднятия. Большой сайр, являющейся продолжением двух русел ключа Эрдэни булага, как бы прорывает, устремляясь на юг, это поднятие, отделяя упомянутую гряду-увал от собственно Бага Аргалинту. Вся котловина, эта таким образом, имеет сток через Эрдэни булаг этим сайром в убур хоолай Бага Аргалинту. Таким образом северную границу этой котловины составляет линия: восточные холмы Бага Аргалинту - кол. Тугуриг - Ульцзэйтү Ундур - Дала уха. Южную – упомянута гряда-увал, переходящая в плоское и широкое степное поднятие, составляющее как бы западное продолжение пьедестала Ихэ Номогана. Западная часть этого хребта и составляет Ю.-В. границу описываемой котловины. На востоке рукав котловины втягивается постепенно повышающейся долиной между Дала уха и Ихэ Номоганом. Примерно в районе Булаг Сучжи долина эта имеет перегиб, который и является западным водоразделом описываемой котловины. В дальнейшем долина между горами Дала уха, Буур и Ихэ Номоганом имеет скат на восток, к Хармагтаю. Восточным водоразделом служит поднятие Бага Аргалинту.

Вся котловина имеет гладкую степную поверхность, покрытую в этом году прекрасным кормом. Сайры имеют сток к Эрдэни булагу, выход воды которого на поверхность объясняется таким образом весьма просто: подпором коренных пород (порфириты, аплиты и т.д.) в самом низком месте котловины. Ничего похожего на каменный уголь мы не нашли. Наоборот, ближайшие к ключу породы не дают основания предполагать, что он здесь имеется.

Эрдэни булаг в этом году обилен водой и вообще производит впечатление большого ключа. Аилов не видно. По берегам обильные выпоты хучжира. Бугристые донные пески с уже крупным здесь хармаком, гойо. Именно из этого ключа пили виденные нами в прошлом году у западной оконечности Ульцзэйтү Ундур хулары. С дичью было слабо. На ключе отмечены запоздалые утки, носились стайки бульдюков. Еще бегали ящерицы, летали <...>.

Переночевав в Цаган голе, мы обогнули Цзун Сайхан с востока, заехали на Далан цзадгад, Бацзар и через Охин хутуль вернулись в Баян тухум. Прожив в последнем еще несколько дней мы с М.А.Симуковой на автомобиле ГВО выехали в Уланбатор, чем и закончилась моя экспедиционная работа 1931 года